

КРОКОДИЛ

ЗА МИРНЫМИ КУЛИСАМИ

Рис. А. Раданова

— ПРИГОТОВЬТЕСЬ... СКОРО ВАШ ВЫХОД!

ВОЗДУШНО-МОРСКИЕ МЕЧТЫ

У нас так привыкли полагать: если англичанин и буржуй, то непременно твердолобый. Мой знакомый художник Ефимов, если делает карикатуры на британских империалистов, так непременно наводит на лоб металлический блеск и еще приделывает заклепку. Это уж слишком примитивный подход, товарищ Ефимов! Нельзя, братец, так обезличенно подходить.

Не все британские империалисты твердолобые, далеко не все. Вот у мистера Грэя, ручаюсь чем угодно, лоб весьма гибкой консистенции. Его лобная кость образована из подвижных, весьма незначительных обизвествленных хрящевых зачатков, если не прямо из высококачественной резины. Мистер Грэй не станет грубо биться лбом о стену, а если это и произойдет, лоб мистера Грэя будет мягко отскакивать от стены, не причиняя вреда ни стене ни человеку.

Мистер Грэй — редактор лондонского журнала «Эйроплан», основного журнала по вопросам британского военно-воздушного флота.

Грэй не новичок в своем деле. Он сорок лет связан с авиацией. Он стоял у колыбели первых наивных летательных машин, как теперь стоит у конвейера мощной британской авиационной промышленности.

Грэй заявляет с похвальной культурной откровенностью:

«В моем распоряжении в редакции имеется полный список русских авиационных заводов с правильным, достоверным описанием того, что делается на каждом из них, включая все данные о производстве и числе рабочих».

При этом редактор заслуженного авиационного журнала отлично отдает себе отчет, что список в его портфеле — не безобидная страничка из школьного учебника экономической географии. Мистер Грэй знает, где раки зимуют, и подтверждает:

«Если бы я пытался получить подобную информацию относительно английских заводов, я подлежал бы ответственности, согласно закону о нарушении государственной тайны».

Откровенность мистера Грэя распространяется и на его планы, на его воздушные мечты о будущем:

«Не следовало ли бы послать парочку авианосцев в Балтийское море и разрушить бомбами с самолетов кронштадтские форты, укрепления, заводы в Ленинграде и вокруг него?»

Нам нравится, как разговаривает мистер Грэй. Четко, конкретно, прямо. До чего эта речь военного человека доступнее

для уха, чем путанный бред твердолобых лондонских журналов...

«Одновременно, — пишет Грэй, — мы должны были бы послать авианосцы и в Черное море. Разрушить севастиопольские укрепления, а также правительственные здания, заводы и форт в Одессе, в Ростове-на-Дону и в других пунктах».

Что касается самого воздушного флота, то мистер Грэй проявляет от его имени даже энтузиазм:

«Военно-воздушные силы будут рады подобному заданию, потому что оно дало бы полезную практику бомбардировки, возможность небольших воздушных сражений и приятное изменение обстановки».

Мы знаем, что мистер Грэй не одинок. Если на страницах журнала «Эйроплан» иногда выпускает когти авиационная военщина, то на страницах другого официального военно-морского журнала «Нэвл энд милитэри рекорд» показывает клыки военщина морская.

Вполне в тоне мистера Грэя бравые морячки из «Нэвл рекорд» бряцают своими кортиками и тяжелой артиллерией.

Морские волки доброй старой Англии состязаются с воздушными волками в отменной готовности померяться силами с этими грубыми, нехорошими, бесстыдными большевиками. Нетрудное соревнование — за письменным столом в кабинетах штабов. Поближе сюда этих героев: показать бы их в районе расположения Красной армии и флота. Интересно, как оформились бы тогда их сокрушительные порывы.

Оба английских журнала — и военно-воздушный, и военно-морской — проповедуют идею «прямого воздействия», которое сейчас господствует в умах некоторых военных людей Великобритании.

Доктрина «прямого воздействия» ставит перед армией, и особенно перед воздушным британским флотом, задачи политико-стратегического характера. Джон Спайт, ответственный чин британского авиационного министерства, в своей книге «Воздушные силы и города» прямо указывает пути и приемы «воздушного воздействия». Бомбардировка больших городов должна, по мнению Спайта, «повлиять на моральное и духовное состояние неприятельского населения как целого, заставить его заключить мир через голову, быть может, еще неразбитых армий и флота».

Для проведения этой бомбардировки Спайт не рекомендует дожидаться предыдущего нападения противника. Зачем считаться с такими мелочами, как ответственность за начало войны, когда можно ис-

пользовать момент и самому первым дать в морду!

«С точки зрения военной такая политика гораздо более целесообразна, чем повторные действия противника и ответ на жестокость жестокостью. Прямое воздействие должно опираться на положительную философию войны, а оперативная деятельность не может явиться отражением деятельности противника».

То самое, что генерал Спайт, еще более известные военные теоретики, как Лиддел Харт и Фуллер, проповедуют в виде общей доктрины, — то же самое Грэй и его морские коллеги предлагают в отношении Советского союза. Похвальная последовательность, отрадная дисциплина мысли! Хорошие речи хорошо и слушать.

Только в одном слегка ошибается приветствуемый нами мистер Грэй. Только в одном.

Ему, мистеру Грэю, кажется, что военно-воздушные силы «будут рады», если им поручить налет на советские центры и бомбардировку их с воздуха.

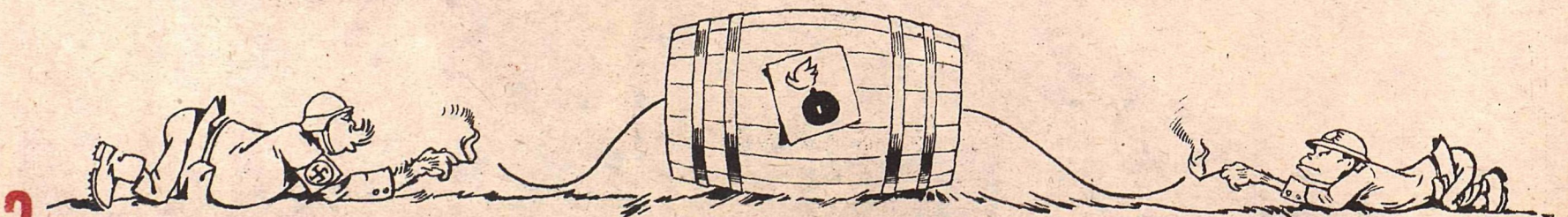
Нет, не будут рады, мистер Грэй. Не будут!

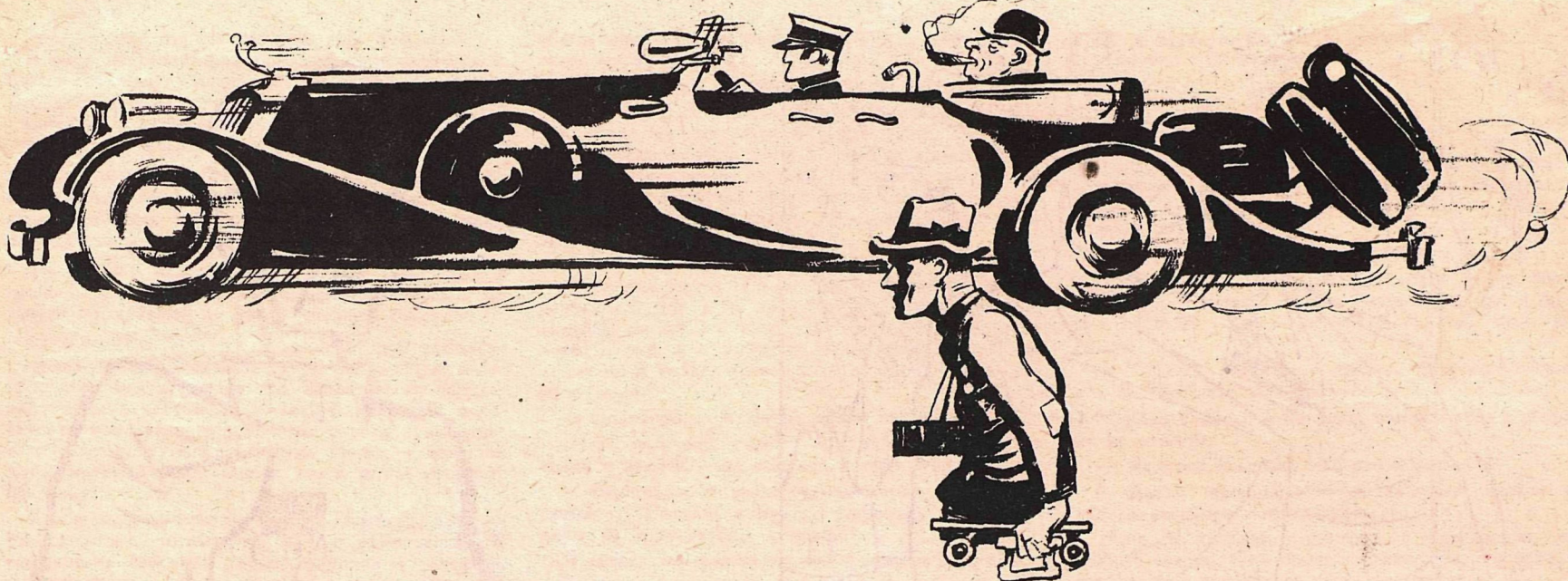
Вы, вероятно, не спрашивали солдат британского воздушного флота, так ли им хочется швырять бомбы на советские города, убивать советских рабочих, разрушать их дома и хозяйства. Попробовали ли вы узнать их настоящее, искреннее мнение по этому вопросу? Попробовали ли вы узнать мнение об этом всего английского народа, его рабочих и крестьян, его безработных сейчас, к двадцатой годовщине мировой бойни?

Если все же нашлись бы в британской авиации такие живчики, такие полковники и майоры, которым бомбежка Ленинграда и Ростова-на-Дону и мерещится как «полезная практика», как «приятное изменение обстановки», — до чего они были бы разочарованы, вместе с вами, мистер Грэй.

Неизвестно, верны ли шпионские списки о состоянии нашей авиации, хранящиеся в редакции журнала «Эйроплан». Но и без них, поверьте, коллега редактор, у нас есть чем встретить тяжелые бомбовозы интервенции. Ваш полет, мистер Грэй, был бы полетом в одну сторону. Никто не вернулся бы из этого полета домой. Под Ленинградом и Севастополем появились бы небольшие кладбища с надписями на иностранных языках. Вы добиваетесь этих кладбищ, старый профессионал убийства, классово-колониального грабежа? Мы их не хотим. Мы будем бороться и отстаивать мир пока только будет к этому малейшая возможность.

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ

ВОЕННЫЕ СТРАНИЧКИ

В Сааре есть владелец железодельного завода. У него есть и цементный завод. Во время войны он разорил во Франции целый ряд фабрик и заводов и был за это приговорен к 10 годам тюрьмы и миллиону денежного штрафа. Миллион выплатило германское правительство II интернационала, а тюремное наказание отбывать не пришлось.

Он пообещал одному французскому агенту поделиться с ним своей прибылью, если агент добьется для него от французского правительства амнистии. Франция амнистировала фабриканта. Но когда агент явился за своим вознаграждением, его попросили показать бумаги, которые подтверждали бы договор. Бумаг у него не было, и его отослали прочь.

Мой пушечный фабрикант построил себе новый цементный завод, новые доменные печи, он замешивает цемент и льет сталь. И продает той стране, которая его когда-то осудила.

Перед самым его заводом вырастают теперь укрепления. Бронированные башни, цементные укрепления, высокая китайская стена с пушками, устремленными на те самые доменные печи, в которых льется сталь.

В один прекрасный день, когда между пушечными фабрикантами разразится война, сталь взорвет те самые печи, из которых она появилась, и рабочий падет, истекая кровью, перед теми самыми укреплениями, которые он сам делал. А фабрикант между тем продает и продает.

Я как-то проходил по улицам того города, в котором живет этот человек и в котором дымят его доменные печи. Я остановился перед церковью. В нише портала я увидел фигуру. Она изображала воина, готовящегося бросить ручную гранату как раз туда, по направлению к укреплениям.

— Кто поставил здесь эту статую? — спросил я священника. Священник улыбнулся:

— Наш великодушный покровитель. — И он назвал имя фабриканта. — Она вылита из хорошей стали, из пушечной стали! — сказал священник и еще раз улыбнулся.

Я возвращался по улицам, по обеим сторонам которых стоят низкие рабочие домики. У этих окон будет носиться ядовитый газ, дети будут выбегать из этих дверей, падая в объятия белой смерти. Под этими крышами будут разрываться гранаты и рвать на куски детей и женщин.

Я прошел мимо виллы фабриканта... Этот будет тогда уже в горах, далеко от прицела своих собственных гранат. Вот за это можно тебе выдать орден!

Я еще раз смотрю в сторону церкви, где стоит фигура из пушечной стали... Вот твой орден, фабрикант! Ничего более бесстыдного, чем ты, я не встречал уже давно. Ты продаешь и той и другой стороне, подготавливаешь массовые убийства, подстрекаешь к войне и ставишь у дверей господнего храма ангела-мстителя

из пушечной стали. Убиваешь своих рабочих оружием, сделанным их собственными руками. И при этом ты — вождь патриотического общества. При этом ты — лучший друг фашистов и обладатель крупного торгового предприятия в той стране, наследственным врагом которой ты зовешь себя. Можно ли быть еще наглее?

Можно. Были и наглее его.

Мы стояли вблизи Лаона. Назывались мы — ударными войсками. Мы должны были итти с книжкой, из которой лилось горящее масло прямо в лицо врагу. Мы уже тогда начали «разлагаться». На досках наших уборных уже можно было найти такую надпись: «Была б у всех одна жратва — давно забыта была б война».

В тот день мы были оттеснены во второй ряд окопов и получили приказ отступить еще дальше, на заранее заготовленные позиции. По пути отступления мы всюду встречали дикий беспорядок. Толпы людей, которые не очень любят запах пороха, или удобно устроились в лесных лагерях около кухни или наблюдали войну на приличном расстоянии из казино. Вдруг нашу колонну остановили. Из леса подымалась пламя, горело где-то. Некоторые из наших побежали в лес и вернулись с известием: горит лагерь.

Мы сейчас же пришли в движение; несмотря на усталость, мы готовы броситься на помощь. Но загородили путь полевые жандармы: они выстроились с револьверами в руках и с озабоченным и серьезным видом объявили, что в лагере —

склад гранат, который каждое мгновение может взорваться. Никто не должен подходить близко.

Как я говорил, мы уже начали «разлагаться». Поэтому мы оттеснили жандармов. Вслед нам раздалась беспорядочная стрельба. Некоторые из наших бросились назад. У дороги произошло настоящее сражение, но полевые жандармы потерпели поражение. Мы никак не могли понять, почему они так ожесточенно сопротивлялись, пока не приблизились к этому горящему «складу гранат». Мы сорвали уже тлевшие двери и тут поняли все.

До самого потолка возвышались груды окороков, ветчины и сала. Ящики с вином лопались от жары. Из одного угла теплой струей лился распустившийся шоколад.

Жандармы боялись, конечно, не за нашу жизнь, они боялись, что, увидя это нагромождение сокровищ, мы поймем, как нас обманывали. Они боялись, что мы увидим, кто жрал и кто был пожираем. Цельными часами рылись мы в этих запасах. Наелись до того, что заболели.

Мы нашли лучшие конфеты, которые подаются только к шампанскому. Папиросы из самого лучшего табака. Мы нашли дамское белье и духи. Некоторые пошли в плен к французам, так как у нас вдруг пропала охота участвовать дальше в этом обмане.

У меня до сих пор хранится письмо одного товарища, попавшего тогда в лагерь Южной Франции. И так как он еще за десятилетия предчувствовал, каков будет наш лозунг через двадцать лет, то я хочу привести здесь отрывок из его письма:

«Дорогой друг! Когда, напившись, я заснул тогда в лесу, я жалел только об одном — зачем я так скоро ушел? Я охотно опорожнил бы с тобой душе бутылочку. Теперь я часто думаю о тебе и вижу, что ты был прав. Нужно смотреть на самое дно и бутылки и войны. Мало пользы, если мы дадим по шеям только офицерам, ведь за ними стоят другие, которые гораздо более опасны. С них мы сдерем штаны, когда вернемся. Если война не переходит в гражданскую против эксплуататоров, то она бесполезна. И на этот раз я тебе ручаюсь: эта война закончится так, как надо. Многие французы здесь уже сбежали в горы, они уклоняются от военной службы. Женщины ночью тайком носят им еду. Из этого ты можешь видеть, как здесь на самом деле думают крестьяне и рабочие. Мы должны итти с ними вместе. Прощай, будь здоров. Я надеюсь, что не пропущу окончательного расчета.

Твой Карл».

Окончательный расчет еще не наступил. Рассчиталась только одна страна. Другие должны последовать ее примеру.

ВОЕНИЗАЦИЯ БАКТЕРИЙ

Рис. Л. Бродаты

БАКТЕРИИ: — Под микроскопом этого ученого я чувствую себя, как перед призывом на военную службу...

ГУСТАВ РЕГЛЕР

(Перевод с немецкого С. С. Смирнов)

— Как жаль, что я прозрел только тогда, когда уже ослеп!

РЕЧЬ ГОСПОДИНА ГНИЛЛЬО

НА МЕЖДУНАРОДНОМ БАНКЕТЕ ЧЛЕНОВ О-ВА ЛЮБИТЕЛЕЙ КАНАРЕЕЧНОГО ПЕНИЯ

Медам! Месье! Позвольте мне
Сказать два слова о войне...

Решительно и громогласно
Я говорю везде, всегда:
Да, господа, война ужасна!
Война ужасна, господа!

И мы, в ком сердце громко бьется,
Сил не щадя своих, должны
Категорически бороться
С ужасным призраком войны.

Объявим письменно и устно
Категорический протест,

Вложив возвышенные чувства
В наш энергичный манифест.

Категорически и ясно
Мы скажем: воевать грешно!
Да, господа, война ужасна.
Но если будет суждено

Цивилизации, культуре
Бокал войны испить до дна,
Но если вдруг, подобно буре,
На нас обрушится война, —

Тогда мы все, в ком сердце бьется,
Сил не щадя своих, должны

Еще решительней бороться
С ужасным призраком войны.

Еще тесней должны сплотиться
И громко крикнуть со страниц
Категорических петиций:
— Не смейте трогать бедных птиц!

Воюйте, только поскорее!
Катись, войны девятый вал!
За наших милых канареек
Я поднимаю свой бокал!

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

САПОГИ

Есть люди, которым никак не идет форма. Я имел непрезентабельный вид в гимназической куртке. Неважно сидела на мне студенческая тулупка с золотыми пуговицами. Но хуже всего я выглядел в форме вольноопределяющегося 192-го Путивльского стрелкового полка.

В ротной швальне мне кое-как пригнали казенное обмундирование, но бескозырка с грязно-белым околышем была не к лицу, и особенно угнетали меня казенные пудовые сапоги.

На плацу в марте месяце я утопил один сапог в жидкой, как сметана, грязи. Это произошло на глазах помирившей со смеху учебной команды.

Фельдфебель Павлюк имел некоторое уважение к вольноопределяющимся за их неизменную заботу о том, чтобы у него под кроватью не оскудели запасы казенного столового вина. Он посоветовал мне заказать хромовые сапоги у знаменитого сапожного мастера Наума Песис, у того самого, который шил сапоги даже штабс-капитану Маркову.

В общем, я не помню лихом Павлюка, хотя он был страшен, потому что пил в одиночестве. В офицерское собрание подпрапорщиков не пускали, а с нижними чинами Павлюк по своему чину общаться не мог. И он пил в одиночку и действительно был по утрам страшен, как может быть страшен «шкура», фельдфебель сверхсрочной службы, подпрапорщик.

Итак, теперь у меня были сапоги по ноге, из хромовой кожи и притом с особенным глянецом. В то утро я начистил их первого сорта ваксой. Она придала сапогам серебристый блеск и матовую зеркальность.

Я шел по лагерной линейке. В кармане у меня лежал отпускной билет по шестнадцатое июля. Эту ночь я мог ночевать в городе. Я мог вылезть из солдатской кожи, переодеться в штатское платье и вместо бескозырки посадить на голову широкополую шляпу колоколом, шляпу того фасона, который в то время предпочитали юноши свободного образа мыслей.

Как хорошо прикрыть такой шляпой наголо остриженную голову и гулять по главной улице, крепко держа в кармане правую руку, чтобы она не тянулась к козырьку при встрече с обер- и штаб-офицерами. Притом следить, чтобы ноги сами собой не становились во фронт в ту минуту, когда на перекрестке улицы заалет подкладка генеральской шинели.

Пожалуй, мне было чуть-чуть жалко расстаться с сапогами. Они ловко сидели на ноге, и июльское солнце отражалось в них серебряным, сплюснутым рублем.

Я шел, не торопясь, осторожно обходя лужи. Сутки лил дождь, и жирная черноземная грязь блестела на плацу, как повидло. Она облепила колеса обогнавшей меня пролетки. Я козырнул спине в светлосерой шинели и двинулся дальше, выбирая сухие места на дороге. Все же мне хотелось появиться в городе настоящим военным, и больше всего я боялся мальчишек нашего двора. Они в первый раз видят меня в военной форме, а мальчишки южного приморского города, да еще на Слободке, — это, знаете ли...

— Вольноопределяющийся!

Голос раздался, как гром с ясного неба. Я посмотрел вперед и назад. Пролетка остановилась по ту сторону плаца. В пролетке сидел штабс-капитан Марков. Он сложил руки рупором и еще раз крикнул через плац:

— Вольноопределяющийся!

Указательный палец капитана делал призывные знаки. Между капитаном и мной лежал плац — мертвое море грязи, южной черноземной грязи.

Сорок минут я потратил на то, чтобы навести глянец на новые сапоги — шедевр работы Наума Песис. Теперь все погибнет.

И бессознательно, почти инстинктивно я пошел к ротному Маркову не по диагонали и не рысью, как полагалось, а пошел шагом по краю плаца, осторожно обходя лужи.

— Вольноопределяющийся!

Третий удар грома. Согнутый палец ротного двигался быстрее и быстрее, солдат на козлах смотрел на меня с уважением и немым ужасом, но я уже не владел собой. У меня немели ноги, я двигался, не торопясь, находя сухие островки среди моря грязи и перепрыгивая через лужи.

Четвертый удар грома:

— Вольноопределяющийся!

Тогда я сделал страшный прыжок, попал в самую середину глубокой лужи и утопил в ней на

треть сапоги, затем выпрыгнул на дорогу и очутился перед ротным.

— Что это вы прыгаете, как козел?

Я молчал и смотрел в землю. Сапоги выглядели так, точно на них вылили ведро дегтя. Все кончено! В таком виде нельзя ехать в город. Надо вернуться в лагерь, сушить и чистить проклятые сапоги. Тем временем уйдет дачный поезд-кукушка. Ярость переполняла меня. Я молча смотрел на сапоги.

— Вольноопределяющийся!

Я поднял глаза. По уставу надо есть глазами начальство. Но я не хотел смотреть в выцветшие голубенькие глазки штабс-капитана Маркова, я не хотел видеть его пушистых, белокурых усов. Я изловчился и глядел мимо, хотя он стоял прямо передо мной.

— Вольноопределяющийся! Вы что косите?

«Чего тебе еще надо? — думал я, холодея от тоски и злости, — на кой ляд я тебе нужен?»

— Вернетесь в команду, разыщите Павлюка, скажете: «Ротный командир приказал никого из роты не отпускать...» Понятно?

Я сделал «налево кругом» и вернулся в лагерь.

Это произошло 16 июля по старому стилю, 16 июля 1914 года, почти двадцать лет назад. В следующее воскресенье, как вы понимаете сами, мне не дали отпускного билета. Спустя десять

дней я уехал на фронт в новых хромовых сапогах работы Песиса.

...Году, кажется, в девятнадцатом, в осеннее время грузовик «Бенц» остановился на главной улице у здания военного трибунала. По бортам грузовика стояли моряки из особого отдела. Несколько ниже их сидели люди, одетые в штатское и полувоенное платье.

— Прими арестованных, — сказал моряк.

Арестованный молча заносил ногу через борт грузовика и прыгал на мостовую. Тот, кто прыгнул первым, поскользнулся и схватил меня за локоть.

— Капитан Марков, — сказал я громко, — что это вы прыгаете, как козел?

Марков посмотрел на меня, изменившись в лице, но не ответил.

— Капитан Марков! Что это вы косите?

— Давай проходить! — сказал ему матрос и указал на дверь комендатуры.

Пока его уводили, я смотрел на свои старые походные сапоги. Они были в глине, грязи и заплатах, но мне показалось, что они сверкали, как новые, знаменитые хромовые сапоги работы Наума Песис.

Л. НИКУЛИН

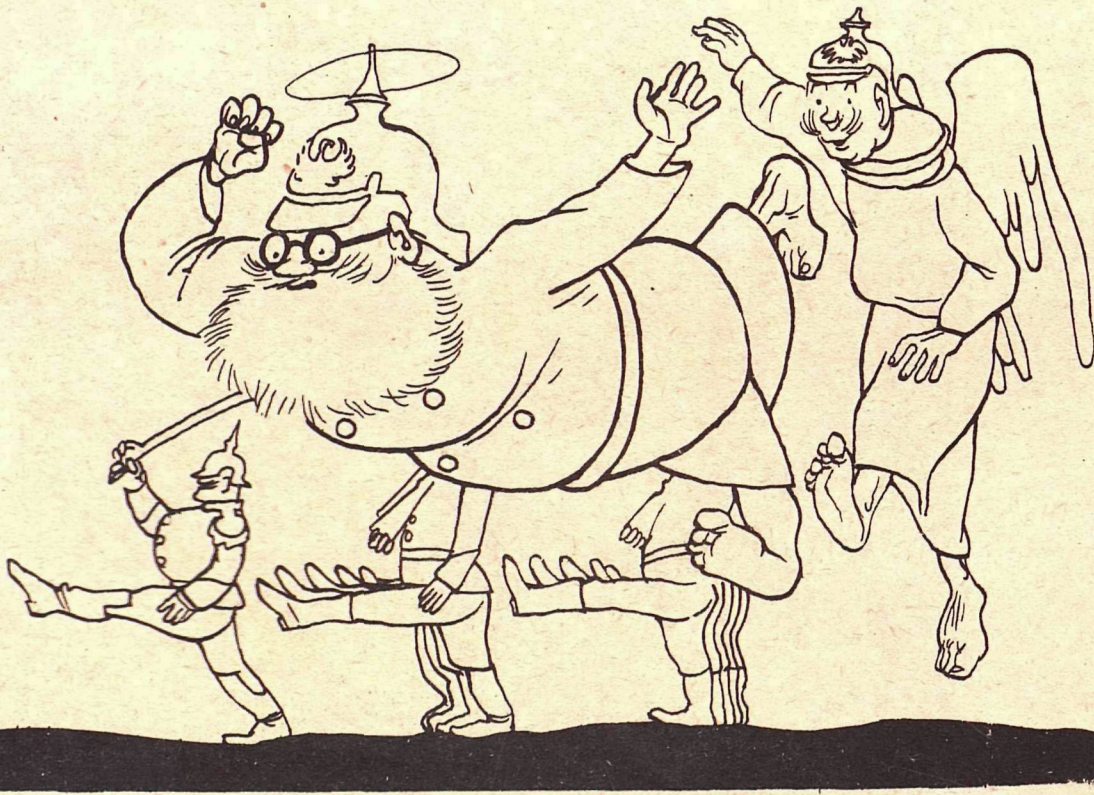
Рис. Д. Моора

Рис. Д. Моора

С НАМИ БОГ!

GOT MIT UNS!

ИЗ ЯПОНСКОЙ ПЕЧАТИ

„Ради справедливости войны, не надо останавливаться перед жертвами. Пусть страна превратится в пепелище. Это неважно. Важно сохранить настоящий японский дух“.

(Сиро—„Угроза нападения“, Токио 1932 г.)

„Не найти в мире другой такой нации, как японская. Наш народ согласен отдать свою жизнь за императора. Такую вещь не встретишь в других странах.“

(Сиро—„Угроза нападения“, Токио 1932 г.)

„Мы все время боремся за мир на Дальнем Востоке. Именно поэтому наши войска в Манчжурии. Европа и Америка потеряли чувство человечности, поэтому мы должны с оружием в руках защищать Китай от посягательства Америки и Англии“.

(„Дайрен Симбун“ от 14 мая 1933 г.)

Так, кажется?

— Грудь, конечно, колесом. На упомянутом колесе и на других верхних частях организма — голубой мундир. Блестящая, как самовар на именинах, каска. В глазах нечто бездмнно пороховое. В одной руке — сверкающая сабля, в другой — поблескивающий маузер, в третьей...

Так?

Забудьте о таком герое будущих сражений. О нем еще пишут в романах, но не о нем мечтают сегодняшние стратеги. Лицо героя выясняется в несколько ином свете.

Прежде всего несколько точно проверенных сведений чисто научного характера.

Оказывается, что двадцать тысяч мух весят всего один килограмм. Ни больше ни меньше. И помещение для всех упомянутых двадцати тысяч требуется емкостью всего в 15 литров.

Если в нем поддерживать температуру в 10 градусов, мухи не дохнут, а только пребывают в состоянии полной и не свойственной им неподвижности. Но огорчаться этим не следует. Стоит только сбросить мух с высоты в 2—3 тысячи метров на землю, они неожиданно оживают и не без некоторой активности начинают кусать людей и лошадей.

Это не наши сведения. И не плод наших вдумчивых наблюдений. Все это заманчиво и образно рассказывает чехо-словацкий доктор Спидла в журнале «Достойны листы». И не подумайте случайно, что это цикл популярных рассказов досужего энтомолога о привычках и навыках средневропейской мухи да еще под общим заглавием:

«Муха — друг человека».

Нет. Здесь речь идет о мухе особого назначения. Все двадцать тысяч мух, бережно и любовно собранных в сосуде, емкостью в 15 литров, оказывается, тщательно откормлены тифозным, холерным или чумным ядом в комфортабельных ядохранилищах. Ассортимент болезней может быть самый разнообразный, смотря по температуре генерального штаба.

Герой сражения, в кожаном шлеме, уютно сидит на аэроплане, терпеливо держит в бестрепетной длани банку с зараженными мухами и мужественно прикидывает: куда бы ее по выгоднее сбросить. Выбор велик и многообразен. К услугам героя — детские колонии, крестьяне на поле, гуляющие в парке...

— С богом! — красивым жестом бросает он банку с мухами, — лиха беда начало!.. Плодитесь и размножайтесь!..

Нужна такому герою грудь колесом? Или голубой мундир? Или самоварно-блестящая каска?

Нужен ли ему пламенный взгляд и дрожащий от волнения голос, когда он будет докладывать в штабе:

— Честь имею доложить, — мухи сброшены!

Но и этот тип героя еще далек от милитаристического идеала. Англий-

ский журнал «Юнайтед сервис» додумался до героя еще более упрощенного образа.

У него не только нет мундира, но даже не имеется и чина. У него могут быть кривые ноги, висячие мокрые усы и подагра. Он может носить рыжий пиджак и бояться мышей. Ему не только не полагается мух и сосуда емкостью в 15 литров, но даже фамилии. В штабной книге он записан коротко и деловито:

«Шпион № 723».

Этот герой, — уверяет журнал, — в сражениях не участвует вовсе. За месяц до объявления войны он появляется в глубоком тылу у противника с походной лабораторией в коричневом чемоданчике. Под двойным дном — бактерии дизинтерии, оспы, паратифа. В черных очках, на кривых ногах, с поднятым воротником, герой по вечерам ходит около колодцев, барачков, общежитий и, потирая руки, потихоньку пускает в оборот весь ассортимент своей лаборатории.

Его представляют к орденам и денежным наградам лишь в крайнем случае и смотря по результатам, так сказать, чувствуют поштучно.

— Жалуетесь вам орден «Синего орла» за успешную чуму. Еще жалуетесь вам орден «Льва и гориллы» за плодотворную холеру. За тиф получите денежное вознаграждение с вычетом прежних авансов, взятых под оспу.

Ну, зачем такому герою грудь колесом? Зачем ему тонкая бровь, мощная рука и самоотверженность во взгляде? Пора забыть об этих мелочах угасшего идеализма и военной беллетристики.

Лицо будущего героя будущей войны, как его представляют себе подлинные мастера сих дел, должно отразиться в будущем же романе в таких финальных строчках:

— Итак, — сказала Клара, обнимая Роберта, — расскажи, как ты мчался на поле сражения...

— А обыкновенно как, — скромно ответил Роберт, — в жестком вагоне и с фальшивым паспортом.

— Разве так берут вражеские города? — удивилась Клара.

— Города — это не по моей линии. Я больше в пригородах работаю. В пригородах колодцы — там удобнее. Подсыпешь — и дальше!..

— И ты всегда был в опасности?

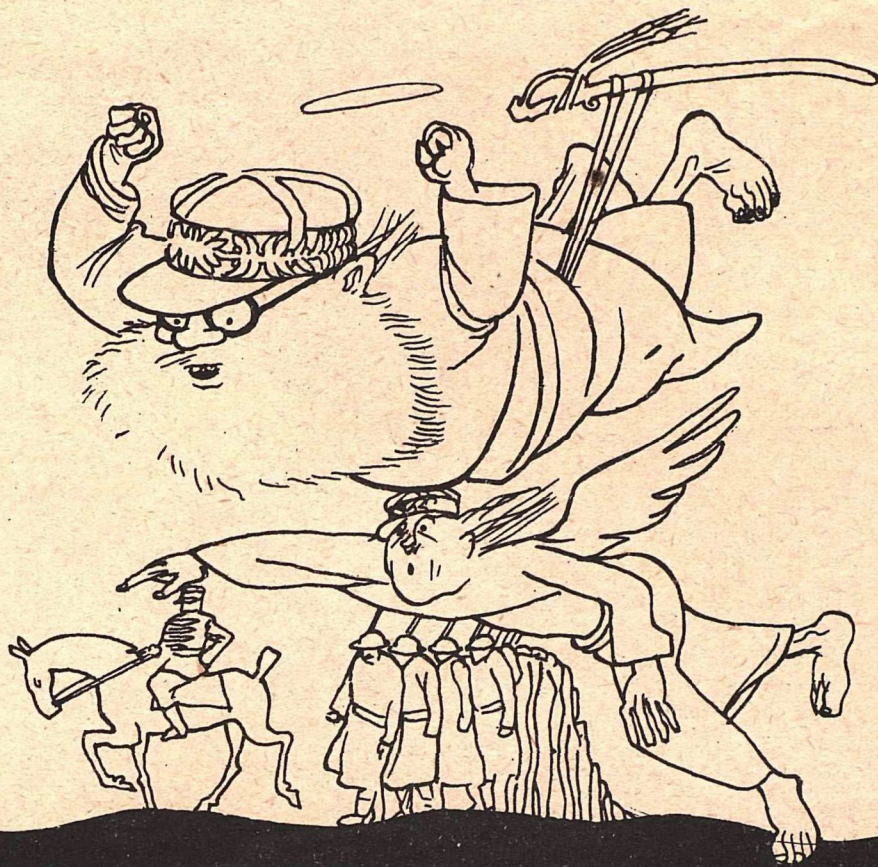
— Я думаю. В одном месте чуть на собственную холеру не нарвался.

— А в каких ты участвовал боях, дорогой мой?

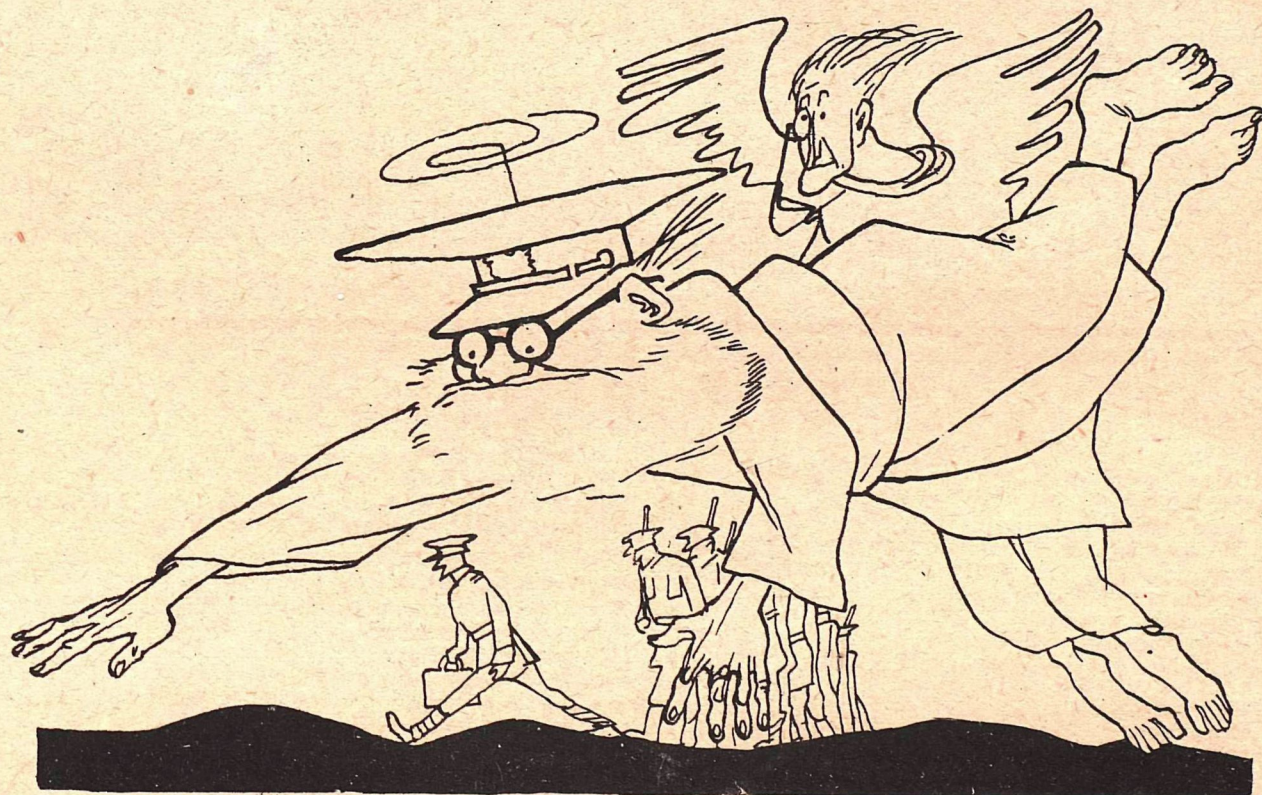
— В разных. Сначала в детскую колонию оспу вкрутил, потом тиф в приют для престарелых, потом со стадом возился — сибирская язва на очереди была...

Клара восхищенно посмотрела на Роберта, обняла его и сразу побежала мыть руки. Роберт гордо улыбнулся и подмигнул тифозным вшам в коробке. Вечерело.

А. ПОЛУЗАЙЦЕВ

QUE DIEU SOIT AVEC NOUS!

GOD BE WITH US!

ИЗ ЯПОНСКОЙ ПЕЧАТИ

„Если бы Япония не взялась за оружие, то спокойствие и порядок в Китае окончательно рухнули бы. Мы спасли и продолжаем спасать Китай от гибели“.

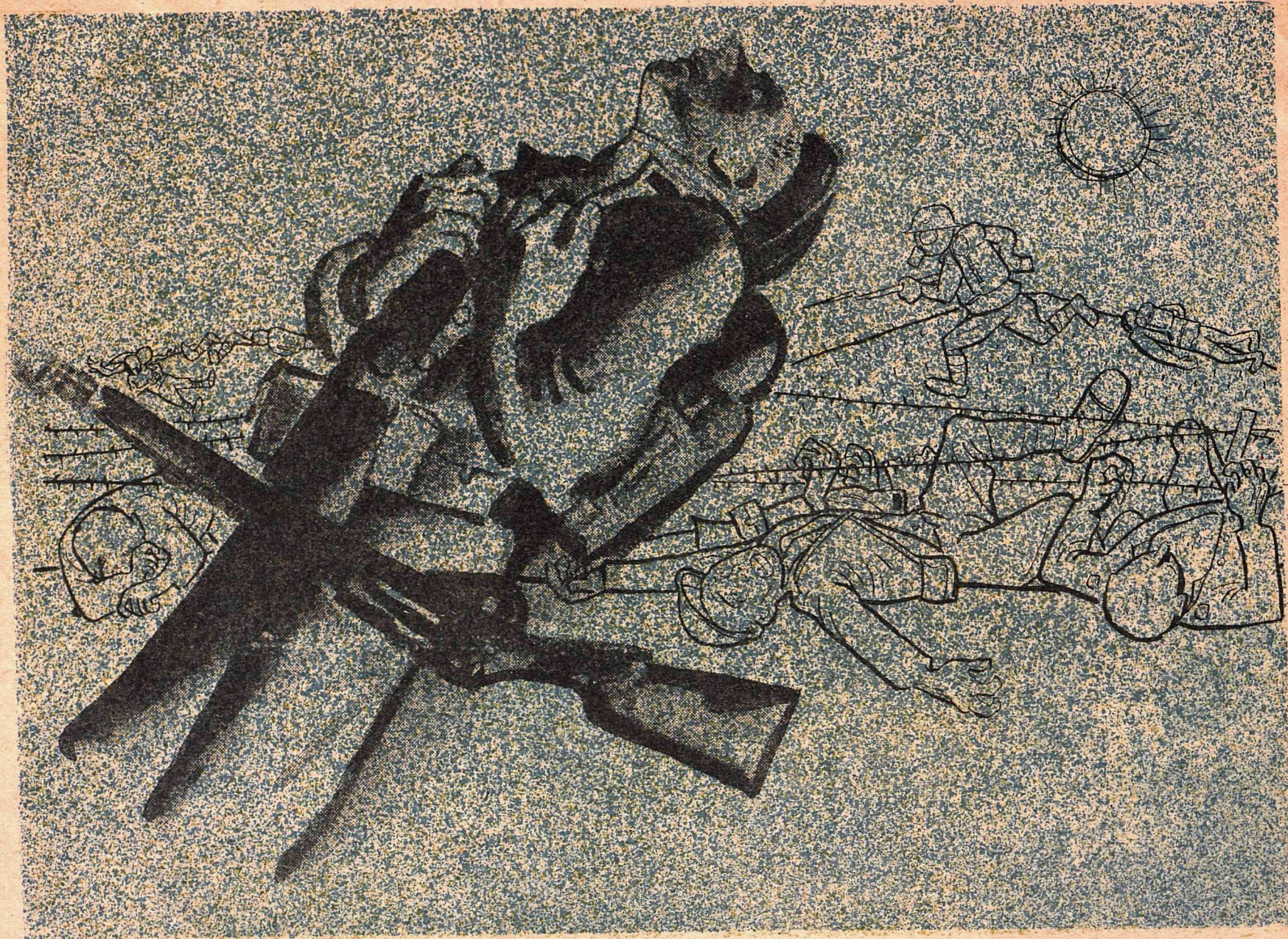
(„Нихон“ от 18 сентября 1933 г.)

„Весь мир сейчас лихорадочно готовится к войне. И только одна наша страна готовится к обороне. Мы должны изгнать из Восточной Азии всех иностранцев. Япония одна призвана быть руководительницей судеб на Востоке. Все внимание, все средства надо отдать укреплению нашей армии и флота. Надо дни и ночи строить корабли и танки“.

(„Фукуока Ници“ от 22 ноября 1933 г.)

„Невозможность и днем и ночью строить военные корабли, — вот что создает крайне опасное положение“.

(„Токио Ници Ници“ от 7 февраля 1934 г.)

НА ВОЙНЕ, КАК ДОМА...

Б А Л Л А Д А

Два мертвеца
Выходят из Вердена,
Закуривают
И глядят на свет,
Чтобы узнать,
Какая перемена
Произошла
За эти двадцать лет.

Они шагают сутки
По Карпатам...
Огромна путь—
Им надобно спешить,
Чтоб весь свой штаб
Покрыть французским матом,
Немецкой неприличностью
Покрыть!..

Они рассекают просторы
И видят
В туманном бреду —
Во Францию два гренадера
Из русского плена бредут.

„До дому ли
Или к невесте—
Упрятаться в брачном тепле —
Пойдемте, товарищи, вместе
По этой проклятой земле!

Пройдя через лес,
Через реки,
Погибли в начале зимы
Вы — в девятнадцатом веке,
В начале двадцатого—мы!

Шагая по нашей отчизне,
Никак мы не можем понять:
Какая такая причина
Заставила нас умирать?..“

И вот по земле воспаленной
Идут по высокой горе
Солдаты Наполеона,
Вильгельма и Пуанкаре.

Их взгляды тревожны и зорки,
И видят они —
Впереди
Их пятый товарищ
В Нью-Йорке
На гауптвахте сидит..

Путям-дорогам
Не видать конца...
С пяти утра
До самого заката
Идут, идут
Четыре мертвеца
К могиле
Неизвестного солдата.

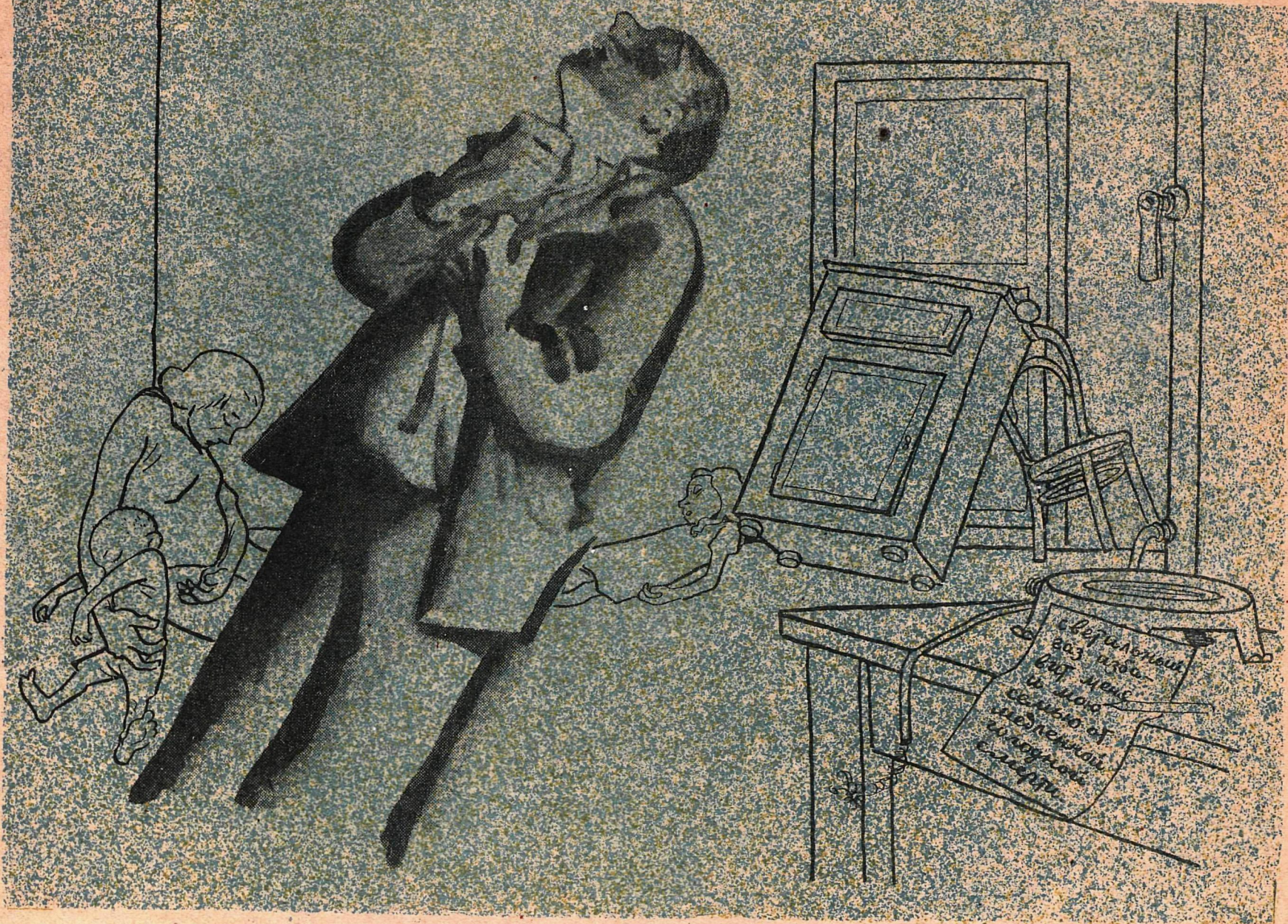
Минуя провансальские сады,
Они стучат
Заржавленным мушкетом,
Чтоб вчетвером
На площади Звезды
Заговорить
С большим авторитетом.

Они хотят
Сказать такую речь,
Чтоб стала всей земле
Она понятна,
Чтоб в воздухе
Остановилась картечь
И повернула
На зачинщиков обратно.

Они хотят
Начальникам сказать,
Свои слова
Переменяя матом,
Что надоело
За богатых умирать
До чорта
Гренадерам и солдатам!

И если их
В атаку позовут,
Смыкая строй,
Под знаменем братанья
Все неизвестные солдаты
Перейдут
К довольно популярному
Восстанью!

Так говорит из Вердена
Ушедший мертвый солдат!
Таким языком непременно
Живые заговорят!

ДОМА, КАК НА ВОЙНЕ...

РАССКАЗ О ПАТРИОТЕ

Я не перестаю волноваться за здоровье моего мужа. Ах, вы не знаете моего Сержа! Вы не знаете, сколько сил и нервов он тратит на политику! Я ему часто говорю:

— Серж! Мой милый! Ты действительно большой патриот. Но побольше благоразумия. Нельзя же каждый день с утра до вечера быть патриотом.

Он и слушать не хочет.

— Отдохну, — кричит он, — когда завоем Дарданеллы. Отдохну в Берлине, когда наши доблестные войска разгромят гуннов.

— Серж, — говорю ему, мягко улыбаясь в ответ, — на кой мне чорт гунны и Дарданеллы?

— Дура, — говорит он, мягко улыбаясь в ответ, — Ты ничего не понимаешь в гуннах.

Да, это было давно. Двадцать лет назад. Я до сих пор отчетливо помню то чудное мгновение, когда Серж почувствовал в душе своей огонь патриотизма.

Это было после обеда. Я лежала на диване и мечтала.

— Свободы! — громко произнес вдруг Серж.

— Что за выразенье? — говорю ему, мягко улыбаясь в ответ. — Как понять твой намек?

— Это я о Ситникове, — говорит он, мягко улыбаясь в ответ. — Начал поставлять в госпитали царские портреты и на-днях купил себе особняк.

— А мы, — говорю я, мягко улыбаясь в ответ, — должны вдвоем ютиться в каких-нибудь шести комнатах. Кошмар!

И вдруг Серж закричал не своим голосом:

— У меня этот номер так не пройдет. Я заставляю Вильгельма Второго просить у нас мира на коленях. Я заставляю!

С тех пор мой Серж начал, не щадя своего молодого здоровья, бегать по собраниям. Он целый

день, с небольшим перерывом на обед, выступал на патриотических манифестациях.

Ах, вы мало знаете моего Сержа! Вы не знаете, какой это милый и чудный патриот! Он не любит бросать слова на ветер. Вскоре после того как он почувствовал себя патриотом, он стал работать на оборону.

Он поставлял в армию сапоги.

Что делалось! Что делалось! Германцы беспорядочно наступали. Австрийцы делали то же самое. Турки им подражали. Наши же в полном порядке отступали на заранее заготовленные позиции.

А Серж? Милый Серж неутомимо, до samozабвения, не щадя своего цветущего здоровья, поставлял сапоги и разоблачал зверства гуннов.

У меня тоже прибавилось работы. Вы не знаете, как сложно быть женой большого патриота! Мы купили себе дачу за городом. На Губернаторской улице приобрели особняк. У нас часто собирались военные из интендантства.

Тут подоспела революция. Серж, конечно, за Керенского. Он носил красный бант, бегал по митингам, кричал «ура» и, конечно, настаивал на том, что войну надо вести до победного конца.

Придет, бывало, домой и все говорит мне об учредительном собрании, об Антанте и о каких-то аннексиях и контрибуциях.

— Серж, — говорю ему, приятно улыбаясь в ответ, — ты такой ярый республиканец. На тебя даже страшно смотреть.

— И в республике, — говорит он, мягко улыбаясь в ответ, — есть место для патриотических чувств. С сегодняшнего дня я начинаю поставлять на юго-западный фронт градусники.

Да, этот человек никогда не жалеет своих сил для блага отечества. И таким же патриотом он был потом в Одессе при Деникине и Врангеле.

— Они у меня это запомнят — проклятые боль-

шевики, — кричал он, сидя в кафе на Дерибассонской. — Через две недели мы в'едем на белых конях в Кремль.

Он такой чувствительный, мой Серж. Он так близко принимает к сердцу интересы отечества. Когда царские начали падать в цене, он ночей не спал.

Успокоился он уже потом, в Париже. Здесь в нем с новой силой проснулось патриотическое чувство.

— Франция, — говорил он, — это моя вторая родина. — Это — моя союзница. Мосье Пуанкаре я считаю близким мне человеком, вроде дяди. Пусть Франция требует от меня жертв, — не поспею. Ей, может, нравится Одесса? Пожалуйста. Готов содействовать. Ей, может, требуется Донбасс? Сильвупле. Я к вашим услугам.

Но Сержа не поняли. Никто не сумел глубоко заглянуть в его трепетную душу. Оклеветали. Сержа обвинили в том, что он служил в английской контрразведке. И вот мы в Харбине.

— Манчжоу-Го — это моя вторая родина, — говорит Серж. — Я чувствую себя настоящим манчжуром. Дай мне только успокоиться, и я заберу у большевиков Хабаровск и Камчатку.

— Серж, — говорю я, мягко улыбаясь в ответ, — к чему тебе Камчатка?

— Идиотка, — говорит он, мягко улыбаясь в ответ. — Ты ничего не смыслишь в Камчатках. Ведь я собираюсь в Хабаровске открыть русское национальное ночное кафе с отдельными патриотическими кабинетами. Русские щи, Русская водка. Русская кулебяка. Русские полковники и генералы будут официантами. Русские светские женщины будут обслуживать кабинеты. Это будет настоящее патриотическое заведение. Нет, мы еще повоюем!

Он такой патриот, мой Серж!..

Г. РЫКЛИН

Полковник Швейка

Постаревший за 20 лет, но все еще бравый Швейк сидел в своей квартире в Праге и щупал худого щенка с необыкновенно грязной шерстью. Вдруг в комнату вошла пожилая женщина в сваленной черной шляпке. За женщиной в дверях остановился здоровенный парень.

— Я вижу господина Иосифа Швейка? — спросила женщина.

— Если вы смотрите в мою сторону, — отозвался Швейк, продолжая щупать щенка, — то, несомненно, видите Швейка. А если на улицу, то там вы в данный момент никакого Швейка не увидите.

Вошедшая женщина истошным голосом закричала:

— Братец! Неужели ты не узнал свою сестру Франциска?!

— Моя сестра Франциска? — переспросил Швейк, — это которая замужем за неким Микулашем в Суракониде?

— Ну да, ну да! — заливала головой старуха.

— Позвольте, сударыня, но сестра моя Франциска, насколько я ее помню, молодая женщина, тогда как вы...

И деликатный Швейк, не закончив, покрутил пальцами подде лица.

— Да, братец, я и была молодой, когда мы последний раз виделись с вами: это было на моей свадьбе в 1907 году... А теперь у нас 34-й год... Вот мой младший сынок — маленький Янечек.

Маленький Янечек шагнул было к дяде, но гулко стукнулся лбом о верхнюю доску наличника двери.

— А мы к вам по делу, братец, — начала успокоившаяся Франциска. — Мы пришли вас спросить насчет военных забот. Янечек скоро должен призваться. Всюду говорят и пишут, что будет война. Ну, вот он очень боится, мой крошка... (Крошка кашлянул басом). И кому же, как не вам, дать хороший совет? Вы ведь через всю мировую войну прошли невредимым, в плену побывали и вернулись. Про вас даже книги написаны... Научите же моего мизинчика! (Мизинчик дернул кадыком и издал гулкий звук).

— Гмм, гмм... — сказал Швейк, — никаких таких секретов насчет войны я не знаю... Лично я всегда делал то, что требовалось уставом и солдатской честью... Только это и могу посоветовать. Да и то сказать: я служил в австрийском полку, где хозяевами были немцы. А Янечек будет призван в нашу чешскую армию. Нас, например, обычно ругали славянскими свиньями. Янечка скорее всего будут обзывать просто быдлом. Мы, получая пощечину от начальства, должны были говорить: «Виноват, герр офицер». А если Янечку дадут затрещину, он смело может сказать: «Виноват, пан офицер», а это гораздо приятнее, или еще скажу: был у нас в 91-м полку лейтенант Марек... Он с 1899 года все состоял в чине лейтенанта, дальше хода ему не давали, потому что он был чех. Зато после образования чехо-словацкого государства Марек повезло: он в три года дослужился до чина генерал-майора, был назначен председателем комиссии по приемке какого-то военного имущества и так проворовался, что попал в тюрьму. Ну, мог бы он сделать такую блестящую карьеру в австрийской армии?

— А газы? — проурчал малютка Янечек таким низким басом, что, казалось, будто звук идет не из горла, а из живота.

Франциска пояснила:

— Мой мальчик боится удушливых газов.

— Что же газы? — продолжал рассуждать Швейк. — Надо сказать, что мы на русском фронте газов не видали. Но солдат уже с момента мобилизации так часто попадает в спертую, так сказать, атмосферу, что, я думаю, настоящему солдату газы не так страшны, как тыловому населению. Помните, у нас в госпитале в Будвейсе, в 7-й палате, где я лежал, воздух был такой, что ко второму обходу врачи надевали противогазы и санитары меняли им расpirаторы в середине обхода. А ты говоришь — газы, дорогой племянник...

— Да... А танки, — буркнул племянник.

— Янечек хочет сказать, что он боится попасть под танк, — поспешила добавить Франциска.

Швейк пожал плечами:

— Танки — тяжелые игрушки, спору нет. Но не все ли равно, подо что попадать? А на войне любая вещь тяжелее двух пудов может задавить солдата. Вот с приятелем моим, сапером Лацной, в первый же день войны на сербском фронте произошел такой случай. Лацна шел себе тихо вдоль дороги, догоняя

свою роту, а рядом ехала обыкновенная походная кухня на двух колесах. Вдруг недалеко упал сербский снаряд — и снарядишко-то довольно мелкий. Но лошадь, которая везла кухню, испугалась, понесла в сторону, и Лацна переехало правую ступню всего только одним колесом. Ну, ему отрезали ступню и направили в Вену. А это было самое начало войны. С ранеными еще очень носились. Лацну задали цветами, шоколадом, сигарами и портретами покойного императора Франца-Иосифа. Потом одна из дам-благотворительниц спросила Лацну, чем он ранен. — Кухней, — ответил честный Лацна. — Разве у сербов и кухни стреляют? — удивилась благотворительница. — Нет, — отвечал Лацна, — меня ранила наша императорская и королевская походная кухня. — И он рассказал, как было дело. И что же вы думаете? Все дамы-благотворительницы страшно рассердились, как будто Лацна их в чем-то обманул. Они отняли у него цветы и шоколад. Одна благотворительница пальцем выковырнула у Лацны изо рта кончик сигары, которую он докуривал. А другаялезла к нему в карманы и выгребла оттуда все его деньги — что-то около восьми крон.

Янечек еще ниже опустил голову и прорычал:

— Орудия... Сто километров!

— Дитяtko тревожится насчет пушек, — перевела Франциска. — Уж больно они дальнoбойные.

— Есть такой грех, — согласился Швейк. — С каждым годом орудия стреляют все дальше и дальше. Тем, у кого пушки стреляют дальше, им, действительно, лучше, потому что сами они при этом дальше находятся от линии фронта. А тебе-то, племянничек, не все ли равно, с какой дистанции в тебя палат? Огнестрельное оружие так уж устроено, чтобы стрелять, и, по-моему, обиднее, когда тебя убивают с расстояния в два сантиметра, как это было с майором Пейслером в 137-м Кроатском егерском полку. Майор Пейслер играл в карты на фронте со своими однополчанами и не слышал, как обер-лейтенант Сметанич четыре раза просил его дать спички, чтобы закурить. Тогда обер-лейтенант сам полез в карман к майору за спичками, а в этом кармане был у Пейслера револьвер со спущенным предохранителем. Обер-лейтенант как-то умудрился задеть за гашетку, раздался выстрел, и пуля попала майору Пейслеру в печень. А надо сказать, что майор страдал камнями в печени. Вот пуля и угодила в один из камней, а от него уже рикошетом задела сердце. Майор так и умер на месте, а обер-лейтенанту пришлось уйти из полка за то, что он без разрешения залез в карман старшего в чине. Но ему дали пышный процальный обед, потому что смерть майора открыла вакансию и все получили повышение.

Янечек задумался, при чем нижняя губа его чуть-чуть не упала на подбородок. Потом он всхлипнул и, потянув мать за юбку, плаксиво протянул:

— Прыгать боюсь...

— Младенчик мой все беспокоится, как бы его не взяли в авиацию или, чего доброго, не заставили прыгать с парашютом. Ему сказали, что велат прыгать с 600, а то и с 1 000 метров.

Швейк утвердительно кивнул головой.

— Прыжки вещь опасная. Но твой младенчик, Франциска, любит запрашивать лишнее. Зачем говорить о шестистах или даже о тысяче метров, когда приблизительно с высоты 15 метров резуль-

тат прыжка одинаковый?.. Мне рассказывал капитан Матейка из 14-го королевского венгерского полка: у них был полковой командир — полковник Пензиш с такой здоровенной глоткой, что он славился во всей армии. Этого полковника Пензиша даже возили в Шенбруни, и он в присутствии императора командовал целой дивизией на расстоянии километра от линии войск, и во всем дворце дребезжали стекла. Так вот во время войны 14-му полку отвели в Пржемышле фабричные корпуса. Пятая рота заняла четвертый этаж. А надо сказать, что в этой роте только что сделано было пополнение — все молодежь или старики: люди неопытные. А в 5 часов утра полковник Пензиш надумал проверять дежурство. Так вот, когда он в коридоре четвертого этажа начал командовать во весь свой знаменитый зев, новобранцам пятой роты показало, что русские опять взяли город, и они стали бросаться в окна. Человек двенадцать убили до смерти, другие остались калекками. К счастью, в тот же день полк двинули на фронт, так что к утру эти потери были приписаны к боевому урону, и все обошлось прекрасно.

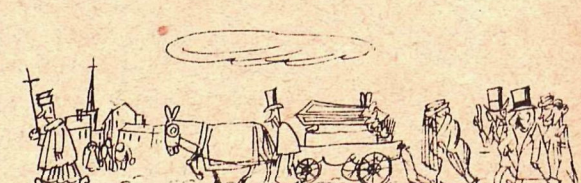
— Братец, — со слезами на глазах сказала Франциска, — вы нас просто пугаете вашими рассказами! Неужели же нельзя никак освободиться от воинской повинности?

— Освободиться можно, — раздумчиво промолвил

вил Швейк. — Лучше всего освободиться по болезни или по увечью... То же и с болезнями. Прилипчивых заболеваний прививать себе не совету. Вот, например, проказа, говорят, она теперь излечима. Но по-моему жизнь в лепрозории мало чем веселее окопной.

— Братец! Дорогой братец! — завопила Франциска, — чем же все кончится?!

— Кончится? — переспросил Швейк. — Война-то? У меня в прошлую войну было много знакомых солдат, офицеров, военных чиновников, духовенства и мирных жителей. Была у меня и две знакомые армии — русская и австрийская. Жители и военные люди кончали войну по-разному. Но армии обе кончили это дело одинаково. Особенно у русских. Там царя и министров расстреляли, генералов повыгнали, офицеров лишили прав. Так что, чем кончится война, это хорошо известно. И те, кто хотят опять ее начать, напоминают мне железнодорожного вора Пеликана. Он всегда воровал на участке между Пшеровым и Оломоуцем. И если покража обнаруживалась раньше, чем Пеликан смог улепетнуть, он первый кричал, что надо итти к жандарму в Оломоуце. Жандарм в Оломоуце был его приятель, и они были в стоворе. Но всегда почти Пеликану приходилось так долго и горячо уговаривать обратиться к жандарму, что он проезжал Оломоуц. А на других станциях тамошние жандармы ловили Пеликана с поличным и били его и за кражу и за нахальство. Мне думается, и в будущую войну ее устроители проедут свой Оломоуц.

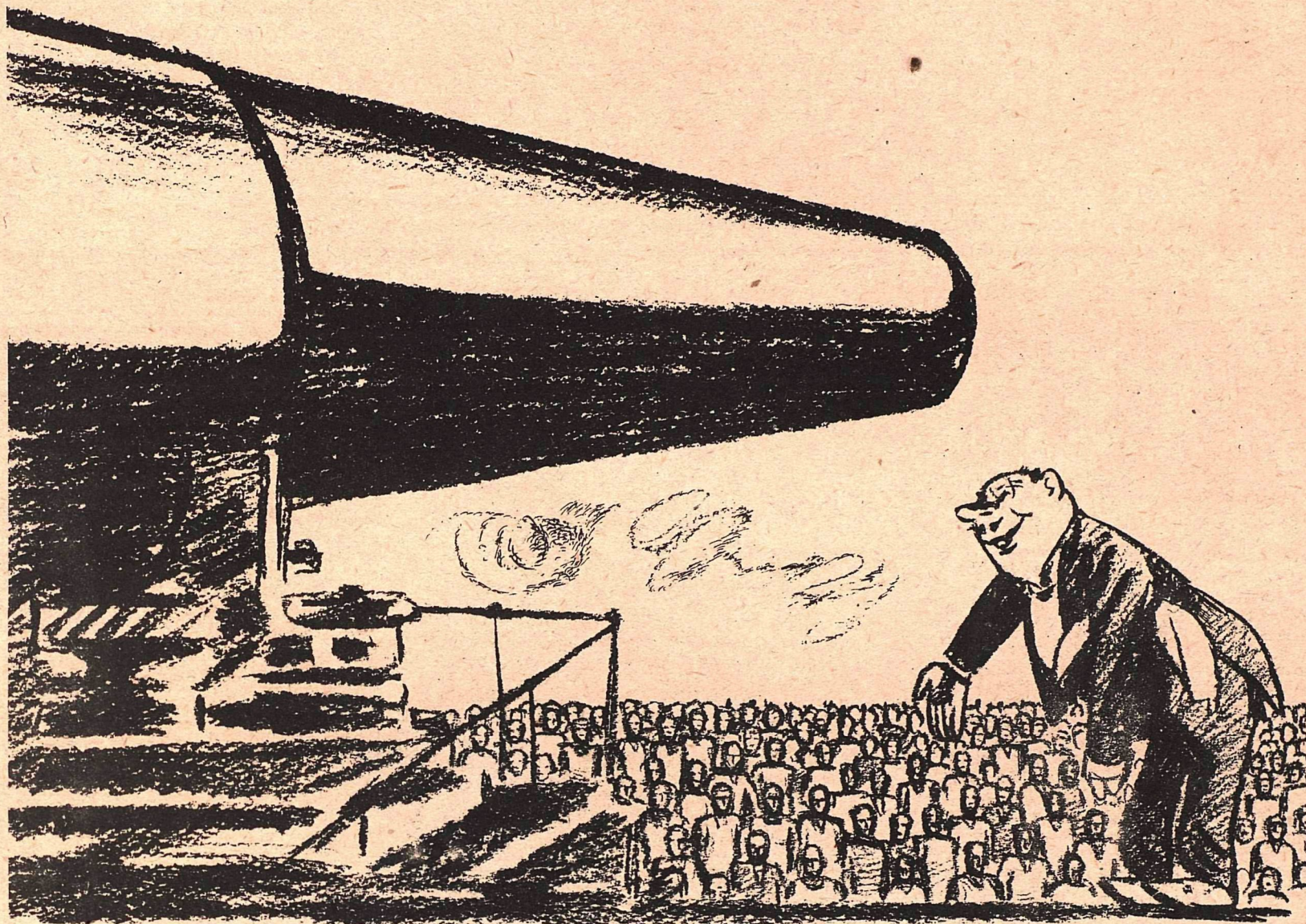

Притихшие Франциска и ее сын слушали Швейка с открытыми ртами, а когда он кончил, Франциска сказала, утирая слезы:

— Дай-то бог, братец, чтобы так было, как вы говорите!..

В. АРДОВ

Рис. Ю. Ганфа

— Кушать подано!

АБИССИНСКАЯ НОЧЬ

Свиты его величества генерал-лейтенант Гудак-Залубайский сидел полуголый под кокосовой пальмой и натирал ревматическую ногу оливковым маслом. Перед ним почтительно опустился на корточках начальник королевской стражи и виновато шевелил большими коричневыми ушами. Абиссинский двор уже спал, экономя свет. Только в кабинете самого Негуса горела пятисвечная лампочка, да где-то около караульной будки на маленьком огне падали дикого индюка.

— Не понять вам русского человека, — уныло сказал генерал Гудак-Залубайский, — психология у вас малокультурная. Цветная. Четвертый год состою у вас незаменимым специалистом, четвертый год учу сукиных детей военной науке, а кому это надо? Для себя учу, что ли?

— Великий король Абиссинии, кажется, подарит тебе слона к пятому новолунию, — интригуяще заметил начальник королевской стражи, — очень большого слона. С клыками.

— Слона мне не к чему. Жрать я его, что ли, буду? Довольно с меня ваших королевских страусов, которые во дворе гадят, — проворчал Гудак-Залубайский, — скучно мне с вами. С абиссинцами. Знал бы, остался бы в болгарской полиции служить. Все-таки культурная должность. А все жена. Едем да едем в Африку. Ты чин-то мой большой знаешь?

— Знаю, — перестал шевелить ушами начальник стражи, — очень большой генерал. О!

— Да уж куда больше, — вздохнул Гудак-Залубайский, — свиты его величества генерал-лейтенант. Собственные лошади, погоны, мундир собственный... Усы. Все большевики отобрали. Только усы и оставили. И вот теперь сижу у вас в Абиссинии... Э-эх!..

— Больно? — кивнул начальник стражи на ревматическую ногу.

— Нога что? Нога предмет неодушевленный. Душе больно. Вот скоплю денег, дам вашему королю по морде и уеду в Венгрию... Поступлю в кавалерию, либо в клуб, а там — на Москву!

И, оглянувшись, Гудак-Залубайский спросил осторожным шопотом:

— Говорил королю-то насчет войны?

— Говорил, — вздохнул начальник стражи, — не хочет.

— Не хочет?

— Не хочет.

— Не хочет... Чорт упрямый... Страна есть, армия есть, слоны есть, денег на первое время хватит — так нет... Скарעד черномазый. Ну что ему стоит объявить войну большевикам?

— Где Абиссиния, а где Москва! — виновато оправдывается начальник стражи, — одного моря сколько, а флота нет.

— Да зачем же вам, выжигам африканцам, флот? — горячился Гудак-Залубайский, что вы — Англия, что ли? Австралия вы? Бермудские острова? Вы только объявите, а остальное придет. Этот не объявляет, тот не объявляет, кому же объявлять прикажете?..

— Великий король не хочет, — уныло бубнил начальник стражи, — у него заботы.

— Заботы! — передразнил Гудак-Залубайский, — фазанов на вертеле жарить у него забота. Да ежели он порядочный король, а не сумасшедшее кенгуру какое-нибудь, так какие у него могут быть заботы, если большевики в Москве сидят... Послушай, — зашептал он, — а дворцовый переворот у вас тут нельзя сделать?

— Можно, — равнодушно согласился начальник стражи, — королевско-го дядю можно на трон посадить.

— К чортовой матери такого дядю. Он у меня штаны с лампасами для королевского бала занял, так и не отдал. Разве такой объявит войну? Господи, господи! Ты один видишь до чего паршивый народ... Все к войне готовятся, все гидру уничтожить хотят, у всех Москва поперек горла, а эти хоть бы хны... Африканцы голопузы! Не желают воевать, хоть режь их. Давить таких надо!..

— Не надо давить, — еще равнодушнее сказал начальник стражи и зевнул, — спать надо. Завтра тебе парад устраивать надо. К королеве бабушку привезли. А то король так и сказал: «Нет парада, — нет жалованья».

— Хорошо, — сердито бросил Гудак-Залубайский. — Устрою. Кстати, насчет слона — пусть гонят. Раз слонячий паек полагается, — своего не уступлю. Иди. Видишь человек ногу трет, а ты с разговорами...

Сочная, пронизанная терпкими и пряными запахами абиссинская ночь сдвигала землю плотной коробкой. Свиты его величества генерал Гудак-Залубайский дремал у себя на террасе и, прислушиваясь сквозь сон к далекому завыванию гиен, обиженно бормотал:

— Ваше величество... Объявляйте большевикам войну, пока не поздно... Другие объявляют... За вас, за веру, за яное прочее... За благородную Африку, ура!

Наутро генералу вместо слона подарили крышку от королевского пианино и назначили десятником по сбору кокосовых орехов. Объявление войны явно задерживалось.

ПЕСНЯ СОЛДАТ

Мы научились быть шальными.
Огонь и буря? Что ж!
Идем мы ротами стальными,
Не трусая ни на грош.
Но если штык мы как-нибудь
Зачинщику направим в грудь, —
Он не увидит нас иными:
Урок был так хорош!

Мы все убийцы по приказу
И убиваем зря.
Мы хором повторяем фразу:

— За веру и царя!
Но будет день — и близок он —
Мы встанем за детей и жен
И будем драться. Пусть не сразу,
Но будет враг сражен!

По всем окопам прогудело:
— Солдаты! Вниз ружье!
Дрались вы за чужое дело,
Деритесь за свое.
Солдат солдату — друг, не враг.
Он также голоден и наг,

Как и тебя, его несмело
Манит к себе жилье.

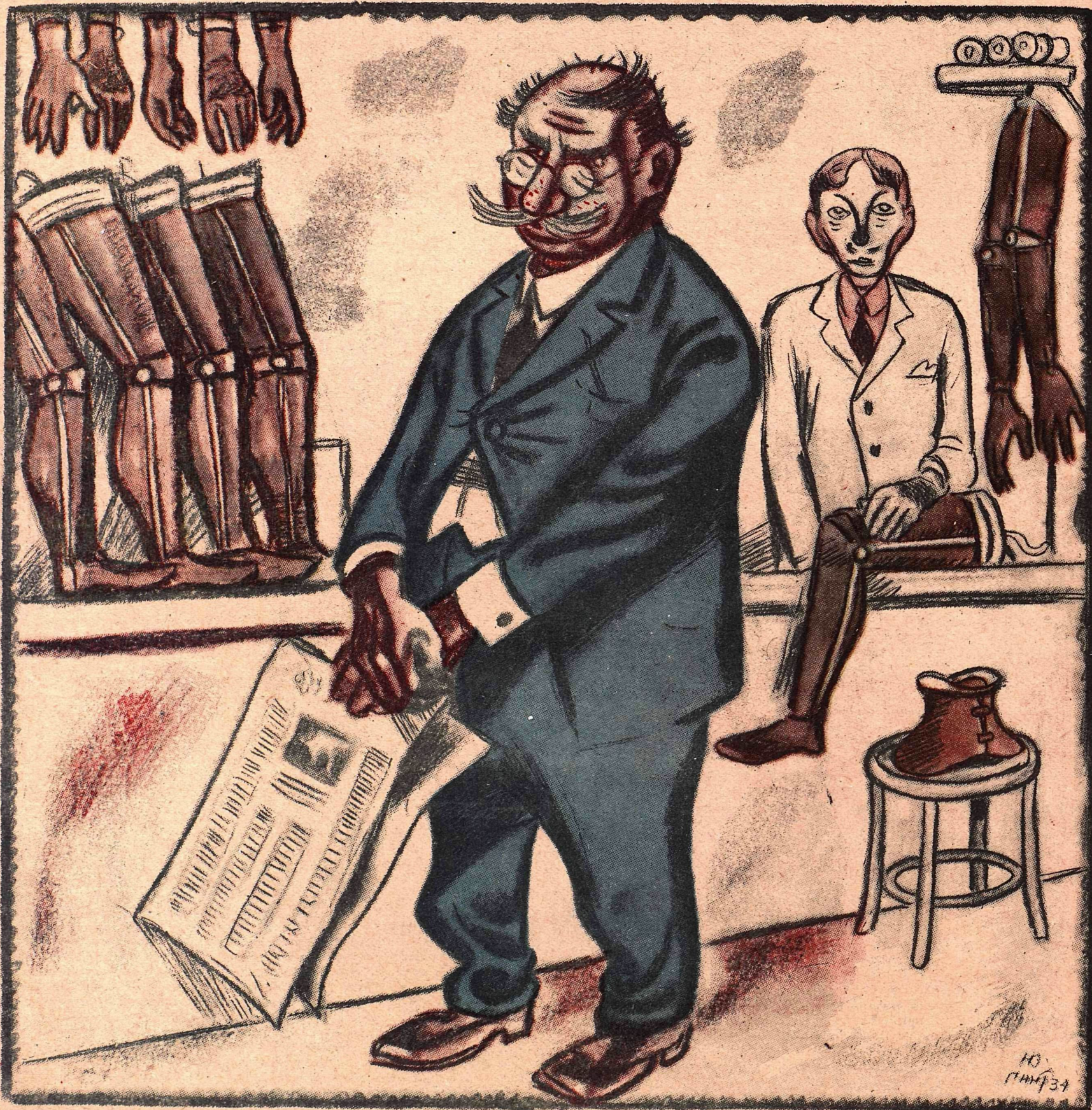
Солдаты! Поклянемся свято
Не продолжать войны.
В народе каждом видеть брата
Народы все должны.
Мы с угнетателями в бой
Народы двинем за собой.
Мир станет родиной. Тогда-то
Мы будем все равны.

ЭРИХ МЮЗАМ *
(Перевел с немецкого
В. Василенко).

* Эрих Мюзам — известный немецкий революционный поэт, бывший деятель Баарской коммуны, погиб в июне 1934 года в фашистском застенке.

НА СВОЙ АРШИН

Рис. Ю. Ганфа

12

ВЛАДЕЛЕЦ ПРОТЕЗНОГО МАГАЗИНА (прочитав в газете статью об удушливых газах): — Удушливые газы! Это ужасно... невыгодно для меня...

Оказывается, лихой казак Козьма Крючков, который «единым махом семерых побиваю», по сей день жив и процветает.

Ликвидированный вместе с царской армией, он возродился в императорской японской армии.

Переменив хозяина, он переменял и имя. Ныне он — «храбрый сын Ниппона», подпоручик по прозвищу «Безумный лев» и т. д.

„С УЛЫБКОЙ НА ГУБЕ“

«22 февраля 1932 года завязалась жестокая схватка возле Мяосинчена. Подпоручик Цзун пришел в бешенство, когда увидел, что его подчиненный сержант Муне смертельно ранен вражеской пулей.

— Проклятые дьяволы! — воскликнул он, — я вам отомщу за это.

Обнажив свой меч, он бросился в атаку. Меч его блеснул в воздухе, как молния, и в мгновение ока 10 китайцев лежали плашмя на земле.

Как раз в этот момент ему попала в бок пуля. Но он не хотел пасть. Он воткнул свой меч в землю, чтобы опереть на него свое тело. С улыбкой удовлетворения на лице он умер, опираясь на меч.

Короче, Козьма Крючков, он же подпоручик Цзун умер стоя.

В японской армии умереть в таком положении, повидому, — высший шик!

„СЕКИ-НО-МАГОРОКУ —

таково было прозвище подпоручика Курихара, так как он был обладателем замечательной сабли, сделанной мастером, носившим это имя.

— Эта сабля здорово режет, — говаривал он.

Во время атаки на врага у Цзянвангена 1 марта 1932 года подпоручику представился случай доказать это...

— Капрал Имура, за мной! — воскликнул он. — Сегодня вы увидите, как режут Магороку.

Потрясая обнаженным клинком, подпоручик Курихара бросился на врага, как бешеный зверь, а капрал Имура — за ним.

Три китайских солдата, имея в руках винтовки с примкнутыми штыками, бросились на подпоручика. Несколькими замахами сабель он их прикончил. Кровавая жертва была принесена! Капрал Имура был не менее храбр. Оба воина дрались бешено... В мгновение ока 15 китайцев лежали мертвые на земле...

Как видите, японские Козьмы Крючковы не уступают царским.

ЖЕНА КОЗЬМЫ КРЮЧКОВА

«...13 декабря лейтенант Иноце был уведомлен, что он должен быть готов к отъезду (на фронт, в Манчжурию). За день до отъезда он пошел в канцелярию и был там занят весь день. Когда он вернулся в 4 часа дня, он к своему удивлению увидел на парадной двери своей квартиры следующую записку:

«Лейтенант Иноце будет в штабе полка весь день».

Что это значит? Лейтенант удивился, но не придал записке значения, открыл дверь... Его глаза увидели страшное зрелище... Мадам Иноце лежала на боку мертвая в луже крови.

На столе было найдено письмо к мужу:

«Мой дорогой муж, мое сердце наполнено радостью. У меня нет слов, чтобы поздравить вас. Перед вашим отъездом на фронт я оставляю здешний мир. Прошу вас не беспокоиться о нашем доме, ибо больше не о чем беспокоиться. Как я ни беспомощна, я делаю то малое, что могу, чтобы вы и ваши люди могли драться всем сердцем и всей душой за нашу страну...»

Вот как заботятся о своих мужьях истинные дочери самураев.

МАТЬ КОЗЬМЫ КРЮЧКОВА

«...Однажды вечером старая женщина вошла в храм, протерлась на земле и долго молилась...

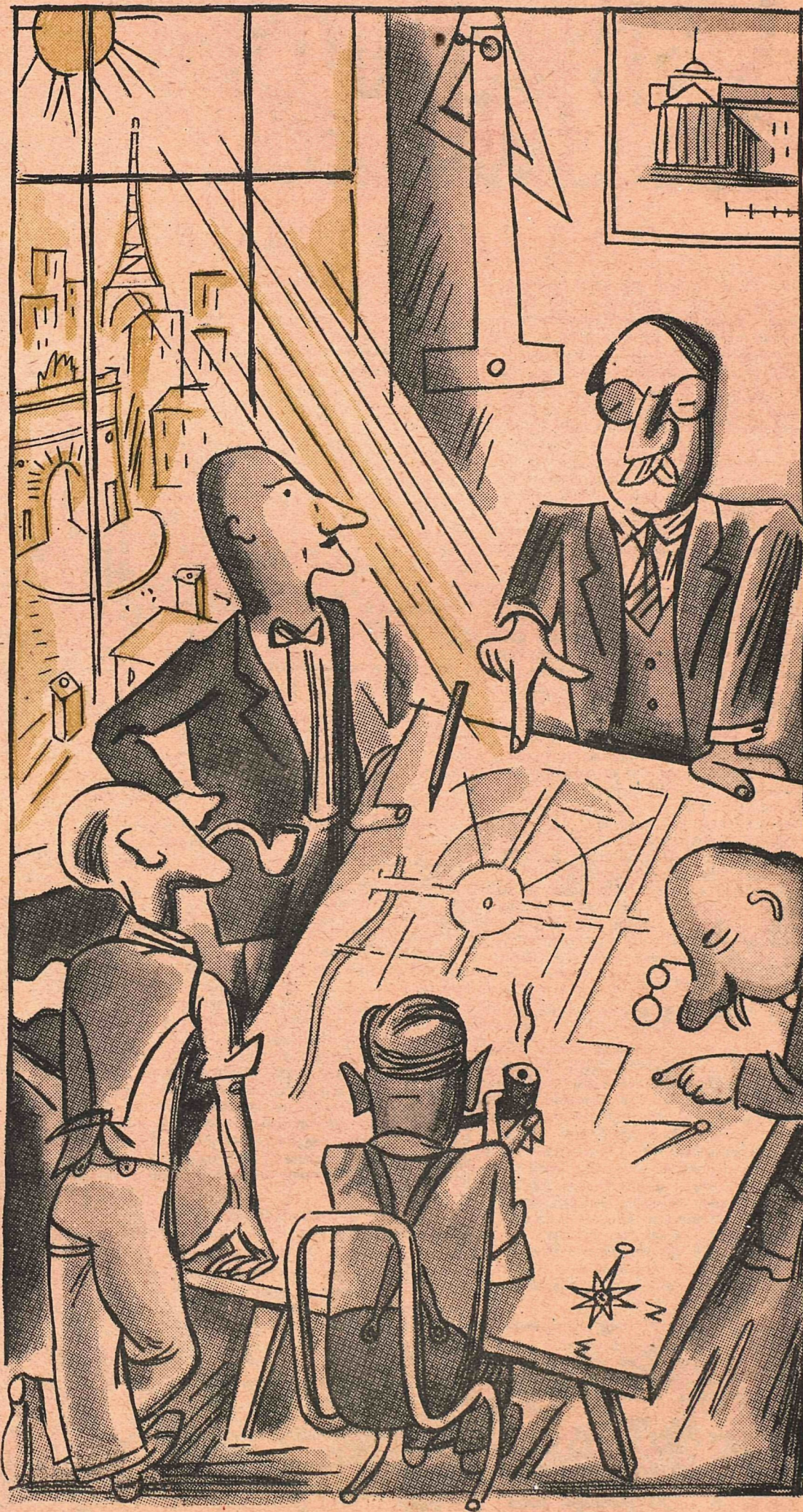
— Откуда вы? — спросил ее служитель храма.

— Я пришла из города Хисам, — ответила женщина. — Меня зовут Иса Нохан. Мой сын Садакихи находится со своим полком в Корее. Он написал мне, что скоро отправляется на фронт. Я хочу послать ему подарок. Я решила послать ему саван в предвидении его смерти на поле брани за честь страны... Храбрые сыны рождаются у храбрых матерей».

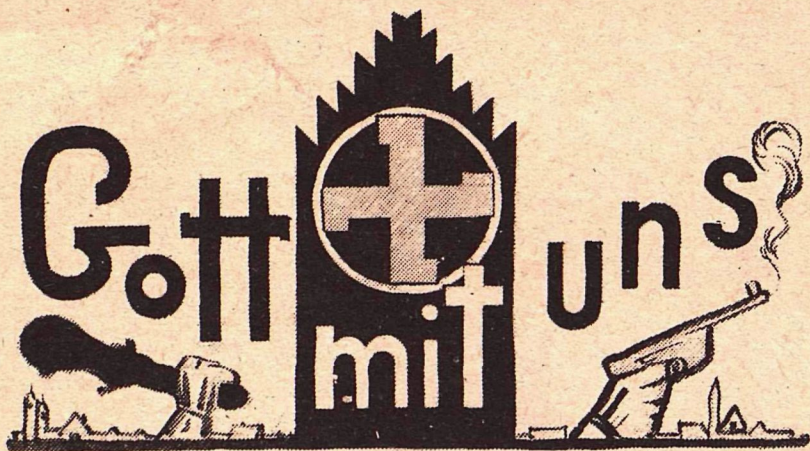
Эти рассказы о подвигах мною не выдуманы, не подслушаны, они не рассказаны очевидцем. Я прочел их в книге Кеизо Кан, который предупредительно опубликовал свое сочинение на английском языке.

Дж. ГОЛЬДХИЛЛ

Рис. Б. Малаховского

— Господин архитектор, не забудьте предусмотреть и площадь для могилы нового неизвестного солдата!

ПОПРАКТИКУЕМСЯ

— Нам нужно познакомиться, — сказал новый профессор. — Я буду читать у вас ботанику органическую и неорганическую и всякую другую.

Студенты удивленно переглянулись.

— То, что я просил собрать вас не в аудитории, а здесь, в университетском саду, объясняется тем, что я предпочитаю метод практического обучения. Здесь, как вы видите, — профессор обвел рукой, показывая на сад, — расположена обширная фауна, с которой вы как ботаники должны будете познакомиться.

— Фауна — это животный мир, — заметил Карл Шульц. — Растительность — флора.

— Попадается, конечно, и флора, — сказал профессор. — Но не во флоре суть, господа студенты. Суть в том, что в нас течет великая кровь, как сказал великий садовод Бисмарк. Растительный мир принадлежит нам, и мы должны уметь различать его представителей. Например, возьмем сосну и дуб. Сосна — высокое дерево, но с тонким стволом. С нее можно наблюдать за противником, но маскироваться и прятаться за нею во время перебежки трудно. Дуб — напротив. Если сосна — толстая, а дуб молодой — тонкий, тогда все наоборот... Или, например, трава. Вам необходимо в порядке практической работы поджечь деревню или какой-нибудь дом. Свежая трава не горит. Обращаю ваше внимание, господа студенты, на этот факт, свежая не горит, только в сухом виде — сено. Если сена нет, тогда приходится обливать керосином деревянные части, после чего объект легко воспламеняется.

— Но керосин ведь не растение, — снова заметил Шульц.

— Тем более, — обрезал его профессор. — Тем более, молодой человек. Теперь несколько слов о цветах. Цветы издают запахи, по которым их и различают. Те, которые пахнут ипритом, — относятся к семейству горчичных. Издающие запах веселящего газа — луковичные, лилии, что ли, Хлор не имеет в цветочном царстве аналогичных запахов, вообще букет цветочных запахов довольно ограничен. Для чего я вам это говорю, естественно, — для ориентировки. Ведь не все из вас будут садоводами, некоторые могут заняться оранжерейным хозяйством.

Затем грибы. Грибом называется небольшой столб с навесом для часового. Это, конечно, излишние нежности. Настоящий арнец не дрогнет и под дождем. Предоставим грибы евреям...

Проделаем сейчас все это на практике. Мы начнем изучение с этого края сада. Здание университетского морга будет линией противника. Помните, — во время перебежек — скрываться за стволами. Толстые стволы — это дуб. Блестящие части винтовки, например штык, должны быть укрыты в траве. Можно в сырой.

Возьмем же винтовки, господа студенты, и займемся ботаникой.

В атаку! Так, так, побежали! Прятаться за дубами. Господин Гейнд, взберитесь-ка на сосну и наблюдайте за противником... Что? Не хотите лезть на сосну! А университет кончить хотите? Я из вас эту цветочную пыльцу выбью!..

Двадцать девушек в балетных юбочках и туфлях вспорхнули со стульев и вытянулись в стройную шеренгу. Новый балетмейстер был какой-то странный. Придя в студию, он прошелся два раза по коридору, ущипнул за руку Эльзу, лучшую ученицу, а потом собрал всех в репетиционном зале и сказал:

— Германия хочет танцевать. На зло марксистам, я из вас орлов сделаю.

Девушки стояли, вытянувшись в шеренгу. Интересно было, как он будет показывать новые па в таком костюме, в тяжелой обуви. Классика, очевидно, невозможна. Вероятно сегодня будут характерные, может быть голландский танец в деревянных башмаках или вариации на тему «Охотники и рыболовы».

— Ну-ка, покажите, что вы умеете, — сказал балетмейстер и кивнул головой в сторону Эльзы.

У Эльзы на руке красовался сник, она успела всплкнуть в коридоре, но сейчас она вышла и проделала ряд сложных туров на носках, закончив знаменитым «фуэтэ» — поворотами на одной ноге, которые так чисто ей удавались.

— Да, — сказал балетмейстер, — зреть. Балет — основа воспитания. Немецкие девушки должны быть прекрасны. В каждой из вас живет Кримгильда. Танцевать нужно, разумеется, арийские танцы и главное, помните, во время больших переходов берегите ноги. Если шерстяной чулок стирает кожу на пятке, тот солдат уже не балерина. Эти ваши дурацкие туфли, конечно, отменим, становиться нужно на всю ступню.

— А как же в классических? — робко спросила старшая по группе.

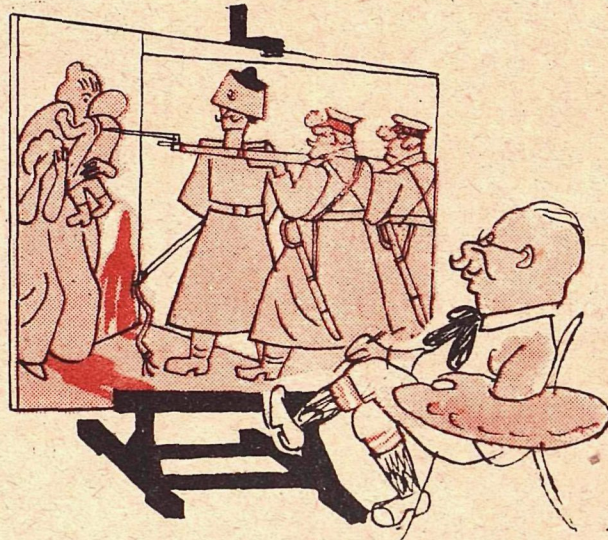
— Вот именно в классических переходах, — возьмем хотя бы эпизоды 1915 года, восточный фронт, или наступление на Бельгию, — вот именно тогда наша пехота показала, что она умеет ходить.

— Попрактикуемся. Равняйтесь... Равняться нужно не по носкам. Грудь четвертого человека справа — вот почему вы должны равняться. Малолетних придется убрать, по ним равняться невозможно.

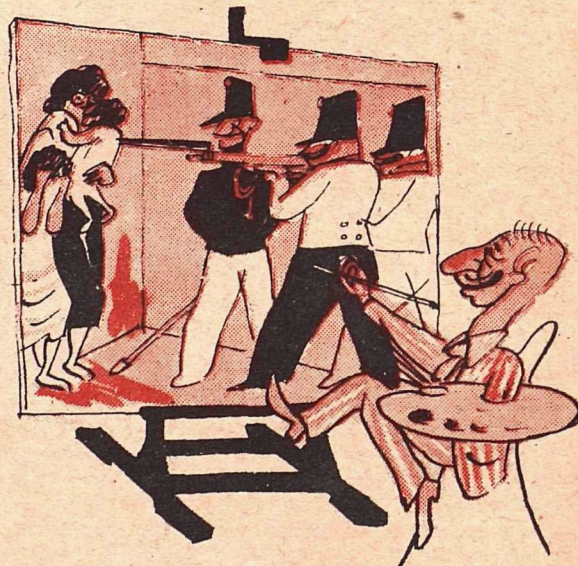
— Смирно! Отставить! Смирно!.. Отставить! Смирно-о-о! Я вас выучу, чорт побери! На месте, марш! На всю ступню. Эй, ты, плакса, тебе говорят...

—левой, левой, на всю ступню, левой. Запевай!..

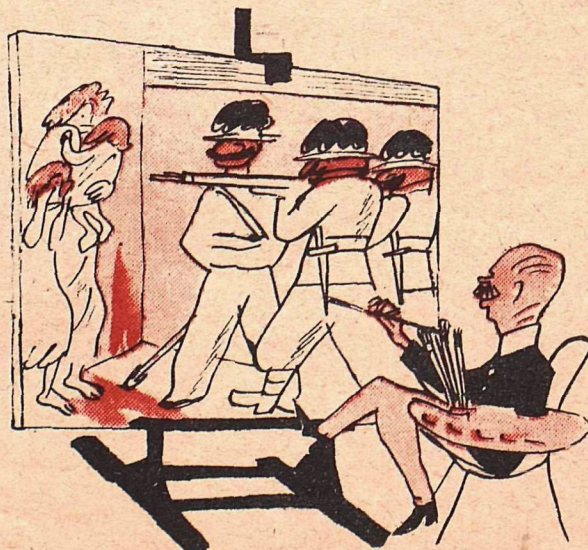
Русский художник рисовал немецкие зверства...

...Немецкий—русские...

...Итальянский—австрийские...

...Австрийский—итальянские.

Рис. А. Радакова

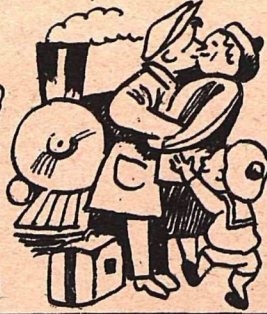
— Я создаю фабрики хлора и всевозможных удобрений для хорошего урожая;

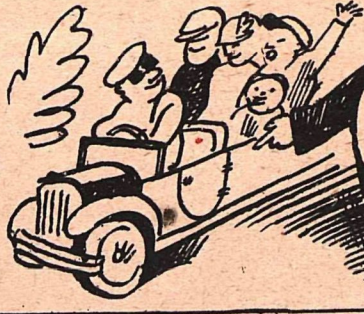
мыло, чтобы ты и дети твои могли жить в гигиенических условиях;

краски, чтобы ты наслаждался искусством;

паровозы, чтобы соединять любящих;

автомобили — для веселых прогулок после трудового дня.

Все это я делаю потому, что я забочусь о тебе! — так сказал капиталист рабочему. — Но...

УРОК ВРАНЬЯ

Редактор видной европейской газеты вызвал к себе в кабинет всех своих сотрудников, моложе 25 лет. Когда они собрались, редактор постучал своим стилем по столу.

— Закройте двери, друзья, — сказал он. — Я хочу с вами поговорить о важных вещах. Известно ли вам, что приближается новая мировая война? И известно ли вам, чего требует война от нас, от журналистов? Вы еще молоды, друзья мои, вы не работали в прессе во время войны 14-го года. И потому я скажу вам, что должен делать журналист в военное время. Он должен врать. Умеете ли вы врать?

Среди молодых сотрудников произошло движение. Многие обиженно аскнули головы.

— Слава богу, дорогой шеф, — с достоинством сказал двадцатилетний репортер, — врем, врем, каждый день врем, и вдруг — нате.

— Верно, — отозвался редактор, — вы врете. Но как вы врете и в каких дозах? Ну, в чем вот вы, например, соврали в последний раз?

Молоденький репортер встал и бойко отрапортовал:

— Во вчерашнем номере я приписал убийце с улицы Святого Казимира лишних 4 преступления. На самом деле он убил 3 человека, а я написал — 7.

— Ну, вот видите, — добродушно улыбнулся редактор, — это же пустяки. Мелочь.

— А я вот, например, написал про Североперсидский банк, что у него хорошие дела. А в действительности у него дела из рук вон плохи, — похвастался сотрудник биржевого отдела.

Редактор покачал головой.

— Все это не то! — сказал он. — Не тот класс вранья. Возьмем конкретный пример. Допустим, началась война, и в стране нехватает продовольствия. Чтобы вы стали писать при этом?

— Я бы написал, что на улице Ганса и Гретхен в доме № 75 есть продовольственный магазин и что все там есть и дешево, — поспешил ответить репортер. — А на самом деле на этой улице всего 63 дома, семьдесят пятого номера там и нет...

— Ну, и глупо. Читатели пошли бы, проверили и потом разбили бы стекла в редакции.

— Я бы лучше поместил заметку о том, что идут большие транспорты с продовольствием из Америки или из нейтральных стран.

— Вот это уже дело! Ну, а вы, фельетонист, что написали бы?

— Гм... что-нибудь смешное насчет дороговизны...

— Где?

— То-есть, как — где?.. Там, где дороговизна...

— Неверно. Запишите все, — и редактор, помехивая указательным пальцем, как заправский школьный учитель, раздельно произнес: — Чем

хуже положение в воюющей стране, тем большую разруху следует приписывать неприятельскому тылу. Например: у нас нехватка продовольствия, — значит, надо писать, что у врагов пекут хлеб из опилок; у нас нет мяса, значит, надо писать что? Что там в ресторанах подают новые блюда: «штиблет по-гамбургски», «сандалия фри» и тому подобное... Вот это настоящая тема для военного фельетона. Все поняли?

— Все! — дружно откликнулись сотрудники.

— Дальше. Предположим, наши войска отступили на фронте. Сделайте мне статью на эту тему.

— Я думаю так: «Временные неудачи только закаляют дух армии, кото...»

— Чепуха. Не годится. Вы?

— Может быть, так: «Отступление для прыжка во все времена было необходимо...»

— Бред. Прежде всего статья должна называться «Наша удача на фронте».

— Удача?!

— Не перебивайте. Да, удача. Писать надо так: «Прочтя сегодняшнюю сводку с фронта, всякий патриот вздохнет с огромной радостью и облегчением. Наконец-то, стратегически невыгодные позиции, которые 3 месяца истощали нашу доблестную армию, оставлены, и теперь в эту ловушку попались войска противника». Дальше: «Стоит только бросить взгляд на карту военных действий, чтобы понять, как ловко одурачен враг... Ну и так далее... Понятно?»

— Понятно... Господин редактор, а если действительно читатель посмотрит на карту?

— Очень хорошо. Он в ней все равно ни черта не разберет и лишний раз убедится в нашей мудрости. Но пойдем дальше. Как вы думаете писать о солдатах?

— Позвольте мне: «Незаметный герой»...

— Нет, лучше: «Чудо-богатырь»!

«Защитник отечества»!

— «Наша опора»! Конечно, «опора»!

— Тинге, господа! Все это — неплохие заголовки. А что под этими заголовками?

— Я знаю! Я! — «Глаза его зажглись ненавистью к презренному врагу. — «Я верю, что наши войска победят, — прошептал он...»

— Какие войска? — перебил редактор.

— Наши... Я же сказал: наши войска.

— Без вас знаю, что наши. Но какие они?

— Позвольте мне! — поднял руку музыкальный критик. — «Наши неустрашимые войска».

— Вот — это другое дело! — кивнул головой редактор. — Продолжайте.

— Гм... Э... «...и незаметный герой крепко сжал свою верную винто...»

— А не кажется вам, что вы кое о чем позабыли.

— Позабыл?.. Нне знаю...

— Ну, кто ответит за него?

— Я!.. «Он обернулся на восток — одним словом в сторону фронта — обернулся на восток и потряс над головою...»

— Ничего, но не то. Кто еще хочет?

— Можно — я?.. «И передайте там, в тылу, что мы здесь до последней капли кро...»

— Это все — вода, друзья мои. А я вас спрашиваю о необходимой идее. Значит так: «Верный защитник отечества задумался и сказал: — Я сам — рабочий, и долгое время я прислушивался к голосу разных смутьянов и коммунистов. Но как только грянул первый раскат военной грозы над моей родиной, я понял, что нет рабочего и нет фабриканта, а есть только родные мне соотечественники и презренные враги...» — Запишите все! Без этого о фронте писать нельзя.

Сотрудники послушно зашуршали блокнотами.

— Теперь возьмите такой случай: во время бомбардировки наши снаряды уничтожили ценное здание, скажем, церковь. Как это оформить?

— Ну, ясно: шпионы!.. «На колокольне была радиостанция неприятеля. Это осиное гнездо делало свое подлое дело...»

— Правильно. А теперь — обратный случай. Церковь уничтожена артиллерией противника...

— Кто ж этого не знает? «Вандализм».

— «Современные гунны»!

— «Бессмысленное зверство»!

— Кстати, о зверствах, господин редактор...

Нельзя ли как-нибудь использовать большевистские зверства, помните, еще совсем недавно мы помещали?

— Правильно. Молодец. Хорошая идея. Конечно, можно. Суп из младенцев — из наших младенцев, конечно. Вместо национализации женщин — поголовное изнасилование. Пытки и застенки. Агенты и шпионы. Все пойдет. Я вижу, вы начинаете смеяться, в чем дело... Пожалуй, на сегодня довольно. К следующему разу разработайте мне ну, хоть такие задания:

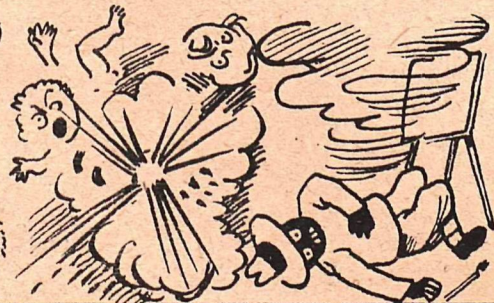
1) что писать о нехватке снарядов; 2) как подавать газете генералов и главнокомандующих; 3) о беспорядках на военных заводах, на фронте и в тылу... ну, еще бесчестные способы ведения войны, там микробы, бактерии, газы и прочее... Вы свободны, господа, идите поупражняйтесь в очередном номере газеты.

Сотрудники, гадя и шумно отодвигая стулья, покинули кабинет.

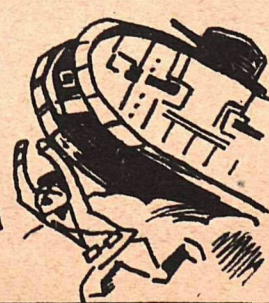
ИВАН ДИТЯ

...грянет война — и фабрики хлора и удобрений я превращу в фабрики удушливых газов;

мыло — в динамит;

краски — в иприт;

заводы паровозов — в заводы танков;

заводы автомобилей — в пулеметные заводы... Все это я делаю потому, что я забочусь о тебе! —

ТАК СКАЗАЛ КАПИТАЛИСТ РАБОЧЕМУ, ДАВАЯ ЕМУ В РУКИ ВИНТОВКУ.

СОЦИАЛИСТЫ „СЫНА НЕБА“

Они сидели на цыновках, и бесшумные лакеи подавали им чай в изящных, хрупких, как яичная скорлупа, чашечках.

Самый древний, самый почтенный и самый высохший, чуть двигая фиолетовыми черточками губ, сказал:

— Великий Маркс указал нам пути, товарищи. Мне, самому недостойному из вас, предстоит великая честь в дни цветения вишни оформить то, чем бьется сердце каждого японского социалиста. Наступает время, о, братья и соратники, широко поставить вопрос о построении социализма в нашей славной и солнечной стране!

Наступило великое молчание. Собравшиеся сосредоточенно запивали божественную мудрость слов старшего маленькими глоточками чая. Только один, молодой и неопытный, крикнул срывающимся от испуга голосом:

— Как же так? А его величество. Согласится ли он спуститься до наших проектов и дать свое небесное соизволение на социализм?

Все улыбнулись, а старейший ответил:

— Ничто не случается в Японии без соизволения его величества, мой юный и пылкий товарищ. Мы будем строить социализм так, что сын неба будет первым его каменщиком... Но, увы, нам мешают, преступно мешают завоевывать блага для всех трудящихся.

— Кто? — загремел молодой.

— Кто? Назовите этих клятвопреступников, — возопили остальные.

— В самом деле, кто? Назовите скорее имена, — вкрадчиво сказал человек в блестящем военном мундире.

— Неужели вы не догадываетесь? Конечно они, — недоразвитые, фанатичные полуяпонцы, скрывающиеся под блузой рабочего свое лживое московское сердце. Я имею в виду сторонников коммунистической партии и Дзенкио.

— Позор! Позор им! — закричали собравшиеся.

Тогда встал человек в мундире и, пощипывая щеточки усов, благодушно сказал:

— Ну, это еще не так страшно. Благоволите дать распоряжение всем истинным социалистам, чтобы они сообщали нам имена всех полуяпонцев, забывших о родине и ставших презренными сынами нашей великой империи.

Потом заговорил самый почтенный:

— С гениальной простотой Мацуока-сан вывел нас из первого лабиринта трудностей. Должен вас, однако, разочаровать... Социализм нельзя строить в такой бедной стране, как наша родина. Ваше слово, Хамада-сан?

— Япония бедна, а Манчжурия богата. Бедный может взять у богатого все, что ему нужно. Таков революционный закон. Мы возьмем у Манчжурии Манчжурию и построим в Японии социализм.

— Это уже делает наш император, дорогой Хамада-сан, — осторожно напомнил военный.

— Да, да! И мы уже реагируем, мы уже отъезжаем! — радостно засопел толстый редактор профсоюзной газеты «Родо». Он вынул из кармана свежий, пахнувший краской номер и прочел: «В конце концов манчжурский опыт превращает в реальность возмеченную всему миру при создании Манчжоу-го политику справедливости. Когда повысится благосостояние 30 млн манчжурского населения, манчжурский вопрос разрешится само собой, служа образцом и для всего Китая».

И все облегченно вздохнули, ибо стало ясно, что Япония находится где-то очень близко от развернутого строительства социализма.

Через два года опять цвели вишни. В маленьком домике собрались социалистические вожди и, попивая чай, ждали мудрости старшего.

Старший заговорил, но голос его был резок и неприятен:

— Что же вы, молодой человек, в игрушки играть вздумали? — спросил он корректного военного. — Я, конечно, очень глуп, а вы одарены разумом... Но что же это, однако, значит?

Старец поднес к самому носу военного свежий номер газеты.

«Несмотря на многочисленные уверения полиции и правительства, теперь ясно, что коммунистический очаг все еще не разгромлен. Об этом свидетельствуют хотя бы тысячи листовок, разбросанные в день «трех Л» (Ленина, Либкнехта, Люксембург)».

— Это мы написали! — восторженно засопел толстый редактор.

— И плохо сделали, — огрызнулся военный. — Я же договорился с вами, чтобы ваши социалисты сообщали нам имена. А они...

— А они не хотят... — испуганно шепнул самый молодой и неопытный.

Наступило угрюмое молчание.

— Мы взяли Манчжурию, мы выполнили революционный закон, — сказал Хамада-сан. — Но стали ли мы богаче, товарищи? Увы, нет. Япония бедна попрежнему, и у нас нет средств, чтобы строить социализм.

Собравшиеся сокрушенно качали головами. Самый древний вдруг выпрямился, и под тяжелыми веками блеснул яркий, как меч самурая, взгляд.

— Великий Маркс указал нам путь. Я напоминаю вам, братья, что наступает время для развернутого построения социализма в нашей солнечной, но бедной стране. Но нам мешают, преступно мешают! Во Владивостоке и Чите, в Хабаровске и Александровске свили гнезда те, чей лозунг «пролетарии всех стран, соединяйтесь!» рвет мир, как клыки и когти свирепого тигра.

— Россия богата, а мы бедны, — крикнул Хамада-сан. — Бедный может взять у богатого все, что он захочет!

Старец думал, закрыв глаза. Наконец он встал: — Мы попросим у России Дальний Восток, Восточную Сибирь, Камчатку, Сахалин и кое-что еще. Тогда не будет пределов для нашего великого дела. Мы будем строить социализм.

— А если они не подарят нам своей земли, — нетактично спросил самый юный социалистический лидер.

— Тогда? Гм... Тогда придется... Есть войны освободительные, есть войны прогрессивные, мой молодой и пылкий друг.

— Все уже подготовлено, — шепнул на ухо старцу человек в военном.

— Но благоволите поставить вопрос перед всеми истинными социалистами о необходимости массовых добровольных пожертвований в фонд обороны и... Вы, конечно, понимаете сами!

Встал председатель конгресса профсоюзов и запальчиво крикнул:

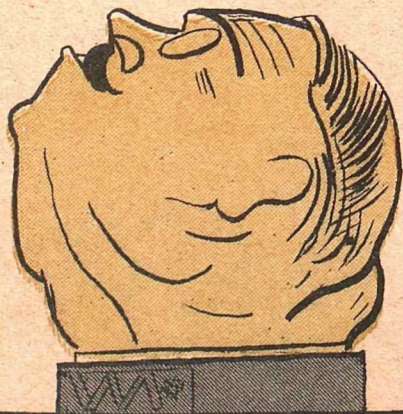
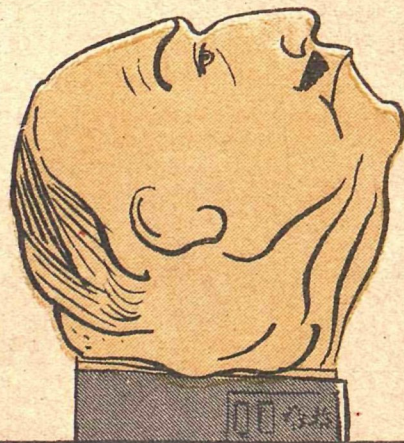
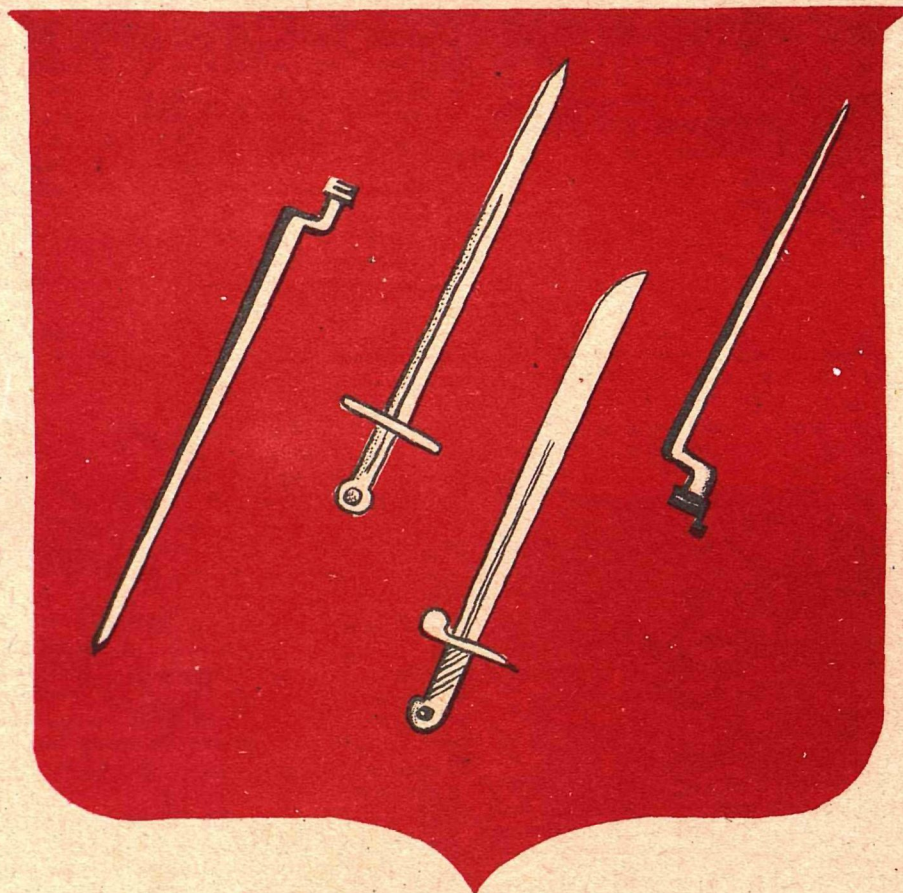
— Не учите нас жить, Мацуока-сан. Сами знаем! Кумиай Кайги уже поставил перед правительством вопрос о создании совета контроля труда и промышленности, а также о всеобщей предварительной мобилизации.

И все облегченно вздохнули, ибо стало ясно, что Япония находится почти на грани развернутого социалистического строительства. А тоненькие струйки пара причудливо формировались под потолком в туманные видения... Мнились силуэты чудовищных пушек, истребителей, танков. Казалось, что и Хондо, и Хаккандо и Формоза оделись сталью и дымом, и за ними скрылись огнедышащие вулканы, цветущие вишневые сады и само солнце...

ВЛ. ДМИТРИЕВСКИЙ

СУЩЕСТВЕННЫЙ НЕДОСТАТОК

Рис. В. Козлинского

ВЛК 1934

16 — Какие штыки, по вашему мнению, лучшие?
— У тех и других есть один существенный недостаток: они могут обратиться против нас!

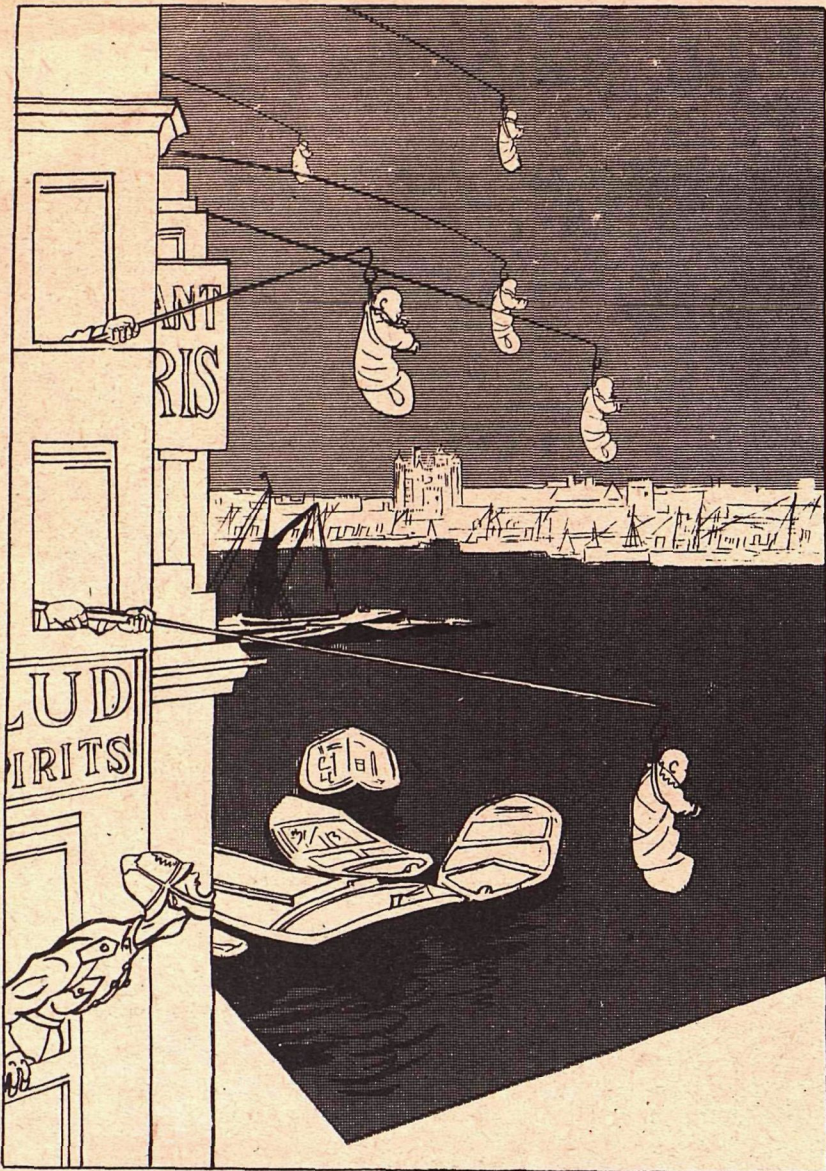
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Рис. М. Храпковского

1934

ИНВАЛИДЫ ВОЙНЫ: — Наше место было среди них!..

БЫЛ УБИТ ЛИШЬ МЛАДЕНЕЦ

Летит цеппелин! Всех младенцев на фронт!

(„Симплициссимус“, Германия, 1916 г.)

Войны начались сразу по всему фронту и всеми средствами. Пушки, штыки, молебны, благотворительные балы, провокационные слухи, погромы, сводки из ставки верховного главнокомандующего, речи августейших особ и президентов, генеральские религии, агитационные открытки, околоточные надзиратели, кинофильмы, полицеймейстеры, опереточные театры, жандармерия, патриотические марши и рассказы о чудо-богатырях, побивающих врагов отечества любым оружием, вплоть до ослиной челюсти.

И, конечно, двинута была в бой пресса. Сотни и тысячи газет. Журналы — тонкие и толстые. Еженедельные и ежемесячные. Обыкновенные и сатирические. Тысячи рулонов бумаги превращались ежедневно в аккуратно упакованную в токи остервенелую буржуазно-патриотическую отраву.

Во всех воюющих странах легкая артиллерия юмористических и сатирических журналов вступила в бой одновременно. Еще несколько дней назад «Новый сатирик» посвятил целый номер сладчайшей теме — купальному сезону. Весь арсенал остроумия и рисовальных приемов был брошен на разоблачение тепсы в трусиках и без оных, на разоблачение стыдливых старых дев, которым, по мнению редакции, стыдиться было нечего. Смотрел читатель на купальный номер, и тянуло его купаться. На лоно природы. На речку. К птичкам.

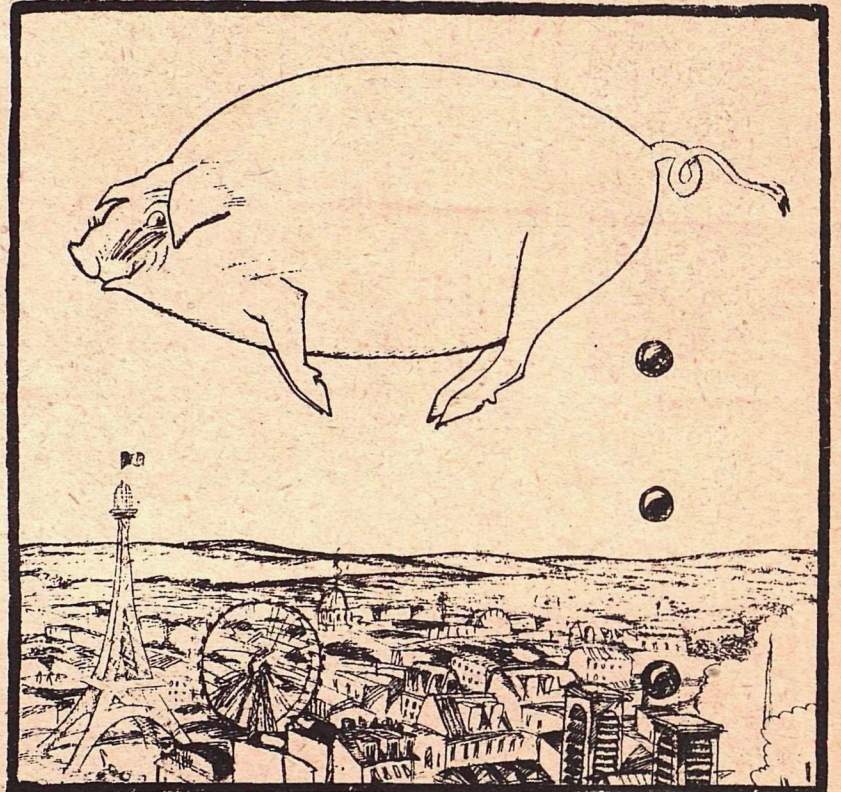
А через несколько дней — вот номер, помеченный 31 июля. На обложке шикарный рабочий, кроткий и в то же время жизнерадостный пейзажи, солидный профессор и умилной ясности сенатор пожимают друг другу руки, подымая соединенными усилиями свободных от рукопожатия рук тяжелый, чрезвычайный и внушительный меч. Всех их благословляет вооруженная до зубов матушка Русь.

И открылись хляби. И потекла широкой мутной волной черная патриотическая пачка, потрясающая пошлостью, тупой звериный национализм.

О немецком языке? Пожалуйста. «Сатирик» предлагает сократить преподавание немецкого языка до трех слов: «1 — дикари, 2 — жулики, 3 — лгуны». «Надо же, — захлебывается журнал от сарказма, — чтобы любой юноша и девушка могли точно формулировать свое мнение о немцах на их родном языке».

Переполненный хорошо оплаченным энтузиазмом, «Новый сатирик» на радость российскому купечеству предлагает назвать войну «освободительной». Мотивы?

«За два дня в Петербурге уничтожено 20.000 вывесок на немецком языке. Двадцать

НЕМЕЦКИЙ ЦЕППЕЛИН НАД ПАРИЖЕМ

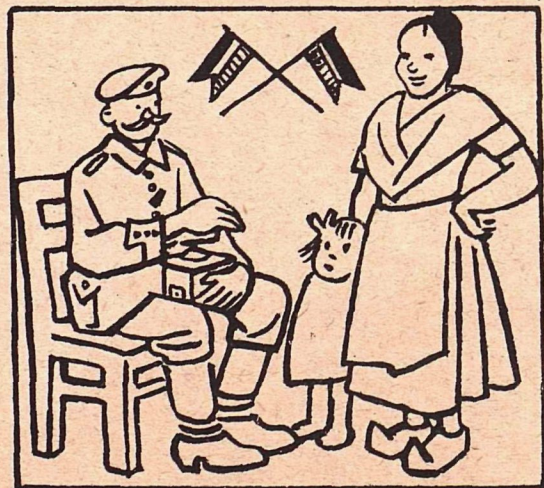
ЦЕППЕЛИН: — Чего они раскричались на меня? Могу же я поступать сообразно своей породе!

(„Новый сатирик“, 1914 г.)

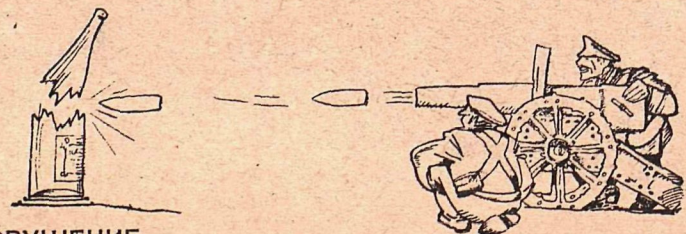
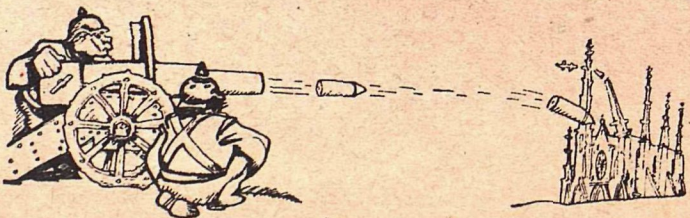
— „ТЕПЕРЬ БЕЛЬГИЙЦЫ ПОПРОБУЮТ НАСТОЯЩЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ!“

(„Грефик“, Англия, 1916 г.)

БЕЛЬГИЯ

(„Симплициссимус“, Германия, 1914 г.)

ВОЙНА — РАЗРУШЕНИЕ

Война — разрушение... Это правда... Но вот как разрушают немцы...

...и вот как разрушаем мы, русские.

(„Новый сатирик“, 1914 г.)

тысяч! Как странно: оказывается, Петербург был в плену у немцев до войны. Таким образом эту войну надлежит назвать не «отечественной», а «освободительной».

До войны «Новый сатирикон» позволял себе время от времени подтрунивать над черносотенцами и их газетами. Теперь он сочувственно цитирует из номера в номер мажорно-черносотенное «Новое время» и восторженно восклицает: «Думал ли когда-нибудь «Новый сатирикон» попасть в ряды единомышленников Шмакова?!» (Шмаков — известный черносотенец — герой пресловутого дела Бейлиса).

Просматриваешь номера этого «лучшего в России еженедельного журнала сатиры и юмора» и дивишься — чему больше удивляться? То ли предельной пошлости, то ли ура-патриотизму и истерическому немецчеству, не подымавшемуся в своем уровне выше охотничьих острот: «Мы, немцы, всегда с малого начинаем, — скромно сказал прусский лейтенант, прикалывая ребенка»...

Было бы несправедливо, говоря о «Новом сатириконе», забывать о мюнхенском «Симплициссимусе», не без оснований считавшегося до войны одним из лучших буржуазных сатирических журналов в мире.

«Симплициссимус» на другой же день после объявления войны превратился в огромный националистический листок, не уступавший «Новому сатирикону» и всем остальным сатирическим журналам воевавших стран в тупости, пошлости и шовинизме. В ногу с буржуазными сатирическими журналами шли и социал-демократические журналы вроде немецкого сатирического социал-фашистского журнала «Правдивый Яков».

Мы приводим здесь карикатуры из русского «Нового сатирикона», немецкого «Симплициссимуса» и английского «Грэфика». Как мы видим, они не уступают друг другу в шовинизме и тупости.

Сейчас, когда над миром нависли тяжелые предвоенные тучи, невольно вспомнить, как веда себя буржуазная и социал-фашистская сатира 20 лет назад. Но если тогда буржуазные и социал-фашистские журналы были единственными сатирическими изданиями, то сейчас, если грянет война, этим фабрикам буржуазной отравы будет противопоставлено разящее оружие большевистской сатиры коммунистических партий всего мира. И это будет одним из немаловажных факторов, которые помогут рабочему классу и угнетенным массам превратить империалистическую войну в гражданскую.

ПЕТЕРБУРГ ИЛИ МОСКВА

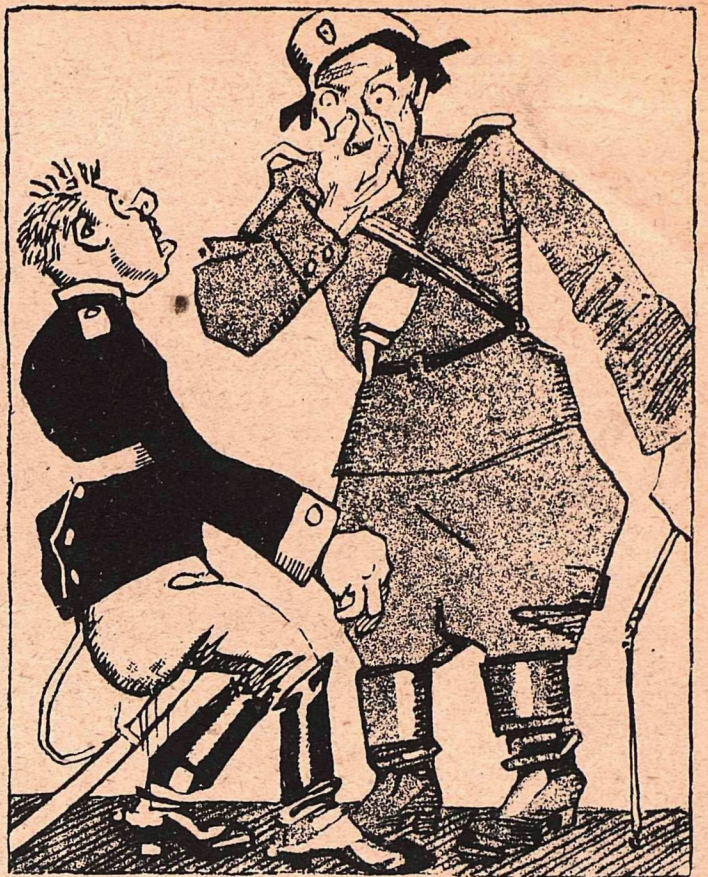
— Как я могу отпарировать удар, когда он не говорит, куда его ткнуть?

(„Симплициссимус“, Германия, 1915 г.)

ВИД НЕМЕЦКОГО ГЕРОИЗМА, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ УПОМИНАЕТСЯ В ОФИЦИАЛЬНЫХ БЕРЛИНСКИХ СООБЩЕНИЯХ.

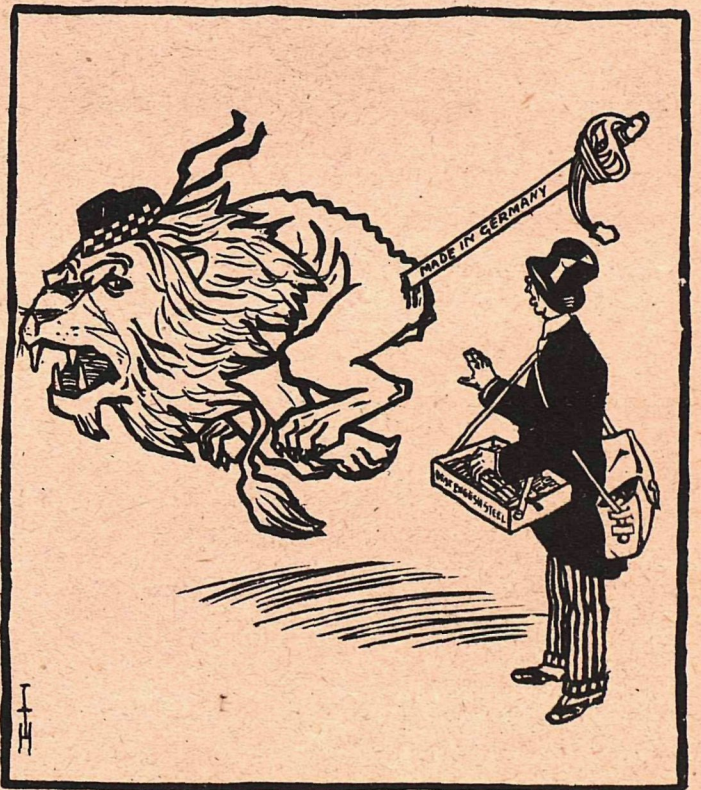
(„Грэфик“, Англия, 1915 г.)

В СТРАНЕ „ФРАНЦА-ИОСИФА“

КАЗАК (зажимая нос): — Фи! Ну, можно ли так пугаться?!

(„Новый сатирикон“, 1914 г.)

АНГЛИЙСКАЯ БОЛЕЗНЬ

— Чорт возьми, теперь моя клиентура не поверит, что германские стальные товары плохого качества.

(„Симплициссимус“, Германия, 1914 г.)

Все слухи о том, что у немецких солдат нет провизанта, не имеют никакого основания...

(„Новый сатирикон“, 1914 г.)

— Господа, по выражению лица этого мертвого солдата вы можете воочию убедиться в том, как весело умирали на войне сражавшиеся за нас герои...

ПРОСТОДУШИЕ ПРОФЕССОРА МУРАИ

Надо было как-то случиться, чтобы почтенный токийский профессор Мураи предпринял в роковую для США минуту путешествие в великую заатлантическую республику. Профессор посетил много городов и беседовал со многими людьми разных классов и профессий.

Когда Мураи вернулся домой, в благословенную страну восходящего солнца, взор его был поистине ужасен. Он был весь, как божья гроза. Как человек интеллигентный он не собирал вокруг себя на улице толпы любопытных и зевак, не устраивал крикливых митингов. Он тихонько уселся в своем кабинете, взял свою лучшую кисть, обмакнул ее в тушь и написал:

«Вся образованная молодежь (Америки) — мужчины и женщины — состоит из дегенератов и развращена. Трудно найти среди молодых девушек такую, которая не носила бы в своей сумочке набора противозачаточных средств».

А, написавши, напечатал. В журнале «Эйго Сейнен». В солидном, интеллигентном профессорском журнале.

Прошел год. Мучительный для профессора Мураи год. Профессору не давала спать наболевшая проблема о девственности американских девушек. Наконец, он не выдержал. Купил шифр-карту и снова с'ездил в Америку.

Нужно ли говорить, что вернулся он оттуда, переполненный гражданской скорбью и негодованием? С трибуны того же журнала «Эйго Сейнен» он заявил взволнованным токийским профессорам и студентам:

«В письме, написанном мною в прошлом году «О моих американских впечатлениях», я заявил, что в Америке нельзя найти ни одной девствен-

ницы. После моего теперешнего посещения я имею основания подтвердить, что то, что я тогда говорил, не было преувеличением».

Мы оставляем в стороне пути и методы, которыми профессор Мураи добился столь уничтожающих и столь же интимных сведений о нравственном состоянии американских девушек. Надо полагать, что методология седовласого профессора, примененная им в разработке этой щекотливой проблемы, целиком укладывалась в рамках самого строгого целомудрия.

Ясно только одно. Что каждого благомыслящего японца безнравственность американской молодежи повергнет в самую глубокую скорбь. Что каждый японец почувствует, насколько японская нация выше американской. И, что, наконец, каждый

верноподданный «Сына неба», прочитав сообщение профессора Мураи, поймет, что единственный выход состоит только в том, чтобы любыми силами, вплоть до применения холодного и огнестрельного оружия, перевоспитать скатывающуюся в пропасть разврата американскую молодежь. И что это должна сделать, конечно, Япония.

Пафос и благородное возмущение профессора Мураи — лучшее доказательство его высокого, истинно самурайского духа. Но как человек простодушный, он, целиком увлеченный разоблачением американских девушек, «поголовно» пользующихся противозачаточными средствами, не замечает того, что происходит на этом же фронте в самой благословенной Японии. Об этом рассказывает его соотечественник — писатель Сатто.

«Одной из причин, почему предупреждение беременности не получает в Японии широкого распространения, является то, что дети служат для взрослых источником дохода. Точно так же, как одни ради денег занимаются выращиванием свиней, кур или крупного скота, так другие выращивают девушек. Раньше торговцы детьми платили за ребенка по 50—60 иен. Сейчас за красивую маленькую девочку 8 лет платят всего 10 иен».

А вы говорите — противозачаточные средства! Это безнравственно! Это низменно! Это, наконец, невыгодно! Простодушный профессор Мураи будет и впредь по мере сил мобилизовать японское общественное мнение против аморальной американской молодежи. В подготовке к «кризису 1935—1936 года» всякая веревочка может сослужить свою службу. Даже такая гнилая.

Рис. М. Храпковского

Рис. Л. Бродаты

*Хорошо
Смеется
Тот,*

**КТО ПОЛЬЗУЕТСЯ НАШИМ ВЕСЕ-
ЛЯЩИМ ГАЗОМ.**

**ПО ДОГОВОРЕННОСТИ С ВАТИКАНОМ УБИТЫЕ НАШИМИ
СНАРЯДАМИ ПОПАДАЮТ ПРЯМО В РАЙ**

**МАССА БЛАГОДАРСТВЕННЫХ
ОТЗЫВОВ О ДЕЙСТВИИ НАШИХ
ПУЛЬ И ШТЫКОВ**

**ТРЕБУЙТЕ
ВЕЗДЕ**

**ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ
ПОДДЕЛОК**

100,000

**ДОЛЛАРОВ Я ПОЛУЧИЛА В НАСЛЕДСТВО
ОТ МОЕГО БРАТА, УБИТОГО НА ВОЙНЕ
СНАРЯДОМ КРУППА.**

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Рис. М. Храпковского

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Посылаю тебе пригласительный билет на торжественный вечер ленинградского Банно-прачечного треста.

Не думай, что мы делаем это для того, чтобы ты собственной персоной присутствовал на этом вечере.

Вечер уже состоялся и прошел под лозунгом, напечатанным в пригласительном билете: «Активным участием широких трудящихся масс добьемся образцовой работы бань».

Но самое интересное — на обороте пригласительного билета. Там сказано:

ВНИМАНИЕ!
КАЖДЫЙ УЧАСТНИК ДАННОГО ВЕЧЕРА ПОЛУЧАЕТ БЕСПЛАТНО ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ В НОВУЮ БАНЮ.

Мы были крайне удивлены, что концерт, устроенный силами ленинградского Банно-прачечного треста, был составлен из обычных номеров.

А следовало бы под стиль пригласительного билета состряпать специфический банно-прачечный концерт такого, например, порядка:

1. Романс: «Не искусай меня без нужды, все насекомые мне чужды, и в бане возвращусь скорей я к белоснежности своей».

2. Ария из оперы «Фауст» с омоложенным текстом: «На земле весь род людской чтит один кумир священный, тот кумир — недавно открытая образцовая баня, принадлежащая ленинградскому Банно-прачечному тресту...»

3. «Ваня баню полюбил». Частушки.

И т. д. и т. п.

Рабочий завода «Двигатель»

И. МАСЛЕННИКОВ.

Ленинград.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Поверишь ли ты, если я сообщу о том, что третье почтово-телеграфное отделение в Ленинграде отказалось принять телеграмму, в которой сообщалось... о температуре больного ребенка.

Я вместе с больным ребенком находилась в Ленинграде, а мой муж проживает в Москве.

И вот, чтобы узнать о состоянии болезни сына, отцу приходилось... ездить в Ленинград!

Третье почтово-телеграфное отделение очевидно полагало, что температура это не температура, а какой-то секретный условный знак и потому отказывалось принять телеграмму.

Но если придерживаться такой системы тол-

Рис. Л. Генча

кования цифр и чисел, то загадочный шифр можно при желании найти в любой телеграмме.

Например: «Приезжай восемнадцатого крайнем случае двадцатого».

Но более всего опасны должны быть для третьего ленинградского почтово-телеграфного отделения... обыкновенные адреса.

Подумай! Ведь они состоят из номеров! А номер — это цифра. А цифра — это шифр!

Таким образом, если в тексте телеграммы абсолютно не будет ни одной цифры, упомянутое почтово-телеграфное отделение может отказать в приеме телеграммы на том основании, что шифр — в адресе!..

— Текст телеграммы, так и быть, перешлем, а вот адресочек — ни за что!

Не думаешь ли ты, что почтово-телеграфных работников, видящих всюду и везде таинственный шифр, следует... расшифровать и увидеть в каждом из них — матерого бюрократа.

Л. ОСЕНИНА.

Ленинград.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

В марте этого года Никольско-Уссурийский райработком союза леса и сплава организованно провел коллективную выписку музыкальных инструментов из «Уоскульта» (Свердловск). Райработком должны были выслать виктроллы, пластинки и т. д.

По адресу «Уоскульта» были переведены 2.580 руб. Но до сего времени райработком не получил ни виктролла, ни пластинок.

Вместо виктролла и пластинок «Уоскулт» прислал... письмо, в котором сообщалось:

«Просимых культуртоваров у нас нет, заказывайте в Москву».

А денег после неоднократных — письменных и телеграфных — запросов райработкома «Уоскулт» до сего времени так и не выслал.

Нельзя ли выслать на адрес «Уоскульта»... специальную пластинку с просьбой прослушать ее сейчас же по получении, а на пластинке зафиксировать следующий текст:

«Немедленно вышлите обратно 2.580 рублей Никольско-Уссурийскому райработкому! Об этом вам в последний раз напоминает «Крокодил!»»

Позаботься о том, чтобы эта пластинка, не в пример уоскультовским, звучала чисто, громко и ясно...

Р. ЯНСОН.

Раздольное, ДВК, леспромхоз.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Вместе с этим письмом высылаем тебе таблицу выигрышей, напечатанную в газете «Красная Мордовия» от 30 июня сего года. В этой таблице, если сравнить ее с официальной таблицей, напечатанной в «Известиях», — около ШЕСТИДЕСЯТИ ошибок!!!

По таблице «Известий», например, гражданин какой-то выиграл 250 рублей, а по таблице «Красной Мордовии» — 3.000.

Если же правильна сумма выигрыша, то зачистую неправилен... номер облигации!

Среди сотрудников нашего конного совхоза № 27 (М.-К. ж. д.) есть много «счастливых», выигравших по 3.000 рублей, но не получивших ни копейки, так как таблица, помещенная в «Красной Мордовии» не соответствовала действительности.

Впереди еще много выигрышных тиражей и, следовательно, много очередных печаток в таблицах, предлагаемых населению Саранска «Красной Мордовией».

Предлагаем редакции этой услужливой газеты раз навсегда отказаться от печатания выигрышных таблиц.

От этого читатель «Красной Мордовии» только... выиграет!

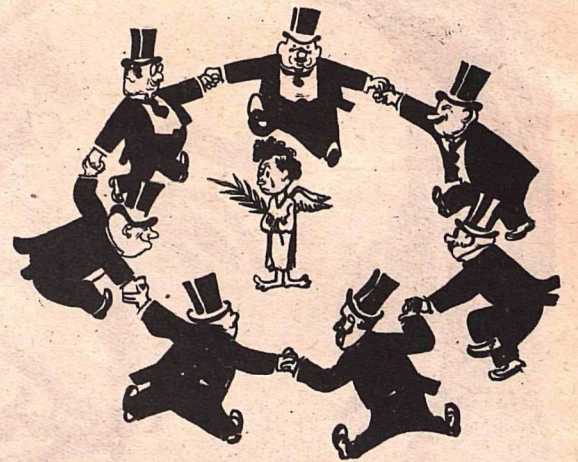
Сотрудник коневодческого совхоза

А. И. ЖУКОВ.

Оброчное, М.-К. ж. д.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Может быть, тебе известна наша маленькая районная газета «Коммунистический труд» (Зейский р-н, ДВК). Так вот в этой газетке 15 июня сего года было напечатано крупным шрифтом сообщение о том, что 19 июня 1934 года произойдет полное солнечное затмение.

— Ах, попался, ангел, стой, не уйдешь из сети!..

Большая часть населения вышла на улицы, чтобы наблюдать это редкое явление.

И... не дождалась.

Ибо в сообщении, напечатанном в газете «Коммунистический труд», вкралась опечатка, которую редакция НЕ СОЧЛА НУЖНЫМ СВОЕВРЕМЕННО ИСПРАВИТЬ. Оказывается, зейское население напрасно коптило стекла. «Коммунистический труд» ошибся ровно на два года!

Согласись, дорогой Крокодил, что редакция, которая не сочла нужным исправить столь важную опечатку, — тоже «редкое явление», по крайней мере в нашей большевистской печати...

С. РАДИН.

Зей, ДВК.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

В Восточной Сибири, в городе Канске, имеется Краеведческий музей. В этом музее имеется 16 тысяч экспонатов.

Музей помещается... в бане, кубатура которой — 200 метров.

В музее — неразбериха: отдел пернатых разлетелся по всему музею, волки и медведи попали в художественный отдел.

Такая же неразбериха и в райОНО города Канска, куда попали лица, не вполне разбирающиеся в вопросах народного образования.

Иначе — чем объяснить то грустное обстоятельство, что райОНО не изыскивает средств для правильной работы музея, не подыскивает соответствующего помещения и т. д.

Если такое безразличное отношение к ценному музею не прекратится, посоветуй: не предложит ли группе работников райОНО переселиться в краеведческий музей в качестве... экспонатов?

Л. АРХАНГЕЛЬСКИЙ.

Д. Кучердаевка, Вост.-Сиб. край, Иланский р-н.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Известно ли тебе о существовании на нашей Топкинской земле (в Западносибирском крае) новой болезни — «книгобоязнь»? Болезнь эта — профессиональная и свирепствует преимущественно среди работников городского совета и райОНО.

Два года назад закрыли они районную городскую библиотеку. Понадобилось помещение — и закрыли. Книги что ж, они протестовать не могут. Читатели, те, понятно, протестовали. Но библиотека все же не открыта.

Местные балатуры острили:

— В открытии библиотеки заинтересованы Топки? Вот и предназначают библиотечные книги для... топки!

До сих пор на дверях кладовой с книгами, т.-е. с об'едками книг (остались после ежедневных посещений крыс и мышей), красуется громадный чугунный замок.

Вышли скорую помощь нашим культурникам! Пропиши верное средство против книгобоязни!

По поручению пятисот твоих читателей и пяти тысяч с'еденных книг —

ЛЕОНИД ПРИЧИНЕНКО.

Топки, Зап.-Сиб. край.

МНИМЫЕ ПРЕМИИ

Когда-то в чемпионатах французской борьбы атлеты и титаны боролись за «ценный золотой приз с бриллиантами», которого им не давали или, если давали, то на полчаса: как только кончался спектакль, награжденный «чемпион мира» стаскивал с себя «ценный приз» и возвращал его арбитру, чтобы заслужить его на полчаса в следующем сезоне.

Мы вспомнили все это в связи с тем, что кое-кто хочет возродить непристойные бордовские нравы в таком чистом и важном деле, как премирование ударников. Вот у нас лежит копия бумаги, которую послало в Тилигуло-Березанскую МТС (Одесская область) Облзу.

Надобно сказать, что Тилигуло-Березанская МТС еще в 1933 году была премирована тремя автомашинами. А в июне 1934 г. Облзу пишет:

ДИРЕКТОРУ Т-БЕРЕЗАНСКОЙ МТС

Копия: Политсектору

На В/телеграмму

Новых автомашин Облзу пока не имеет. При первом заводе их учтем Ваше премирование автомашинами на втором Областном слете колхозников.

Нач. Хлоп. Управл. Облзу Дубинчик.
Зав. Тех. Отдела Кукчин

Не очень красивый ответ. Но он кажется совершенным реверансом по сравнению с тем, как повел себя в таком же случае начальник одного из отделов 3-го района Уссурийской дороги т. Целенко.

Начальник этой дороги в феврале с/г. премировал ценным подарком начальника станции т. Боброву. Подарок фактически не выдали. Целенко тоже премировал Боброва часами, и тоже часы Боброву не вручили. Тогда в дорожной газете появилась заметка рабкора.

Как же реагирует на заметку т. Целенко? А вот как:

„Командиру 3-го взвода ДС Озерные ключи т. Боброву. За проявленную вами недисциплинированность, выразившуюся в обращении помимо ВО за розыском неполученной премии, в то время зная местонахождение этой премии, приказ мой № 24 от 1/VI—с. г. в отношении вашего премирования ОТМЕНЯЮ.

п. п. Начальник В. О. 3-го района Усс. ж. д. Целенко“.

Не знаешь, чему радоваться в этой бумаге: отношению ли к премированному работнику или отношению к советской печати?..

А не заменить ли премии т. Боброву штрафом? Пусть платит, раз он не понимает шуток: думает, что его всерьез премировали!

ФОКУС НЕ УДАЛСЯ

11 сентября 1933 года Юго-Западная дорога (станция Лосево) составила накладную на 3 трактора в собранном виде и одного проводника.

15 сентября того же года та же дорога (станция Тальное) составила коммерческий акт в том, что из поименованных в накладной трех тракторов и одного проводника прибыл к месту назначения один трактор. Иными словами, пропало без вести два трактора и один проводник.

Обычно фокусник, накрывая коллаком монету, которая должна пропасть, считает: раз, два, три!

Юго-Западная дорога, приняв груз 11 сентября, тоже отсчитала три дня: 12, 13 и 14 сентября. На четвертый день двух тракторов и проводника нет. Пропорции верные: у фокусника на исчезновение мелкой монеты уходит

три секунды. У дороги на крупные машины—три дня. Похоже на фокус.

Но вот, что в этом деле на фокус не похоже: фокусник-то исчезающую монету находит у себя за шиворотом через три минуты. А дорога даже не пытается найти пропавшие тракторы. В акте от 15 сентября значится:

„...Следов хищения нет. Тара исправна. Недостача объясняется нормальной убылью“.

Так-с. Значит, нормальная убыль? Два трактора из трех — нормальная убыль? И пропажа проводника — тоже нормальная убыль?

Возвращаясь к аналогии с фокусником, скажем: этот фокус Юго-Западной дороги не удался. И не удастся. Нормальной такую убыль никто не признает. И не просите.

ТОЧНЫЙ РЕГЛАМЕНТ

Мудрая, авторитетная и необыкновенно дальновидная организация, а именно 4-й профучком при строительной конторе 4-го участка Моск.-Каз. ж. д. (гор. Казань), заботливо руководит нижестоящими инстанциями. Так, в конце июня она порадовала их крайне предусмотрительным циркуляром:

ТЕЛЕФОНОГРАММА

Всем предробочкам: Канаш, Юдино, Кукмор, Агрыз. Учком предлагает вам 1/III—34 г. провести на прорабочих пунктах слет ударников, посвященный годовщине постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о перестройке органов жел.-дор. транспорта с вопросом подведения итогов выполнения постановления ЦК и СНК и наметкой практических мероприятий на дальнейшие работы.

На этом слете выбрать делегатов на слет ударников промышленности и транспорта на 3/III—34 г.

Выбрать нижеследующих:

Канаш — Васильева Я. В.

Юдино — Кшникиаткин и Гимадеева.

Казань — Асфандярова, Хурамшина и Веричева.

ЗАМ. ПРЕД. УЧКОМА № 4 (Матвеев).

Как видите, точно указано, кого надлежит выбрать, воля собраний predetermined сверху и заранее.

Думается, если уж стать на этот путь, то к списку изблюбленных людей стоит добавить еще и указания, скажем, такого рода:

Васильева Я. В. выбрать единогласно.

Гимадеева выбрать при 8 голосах против и 4 воздержавшихся.

Веричева выбрать под бурные аплодисменты, а потом сделать ему отвод и т. д. Регламентировать, так регламентировать, чорт возьми!

ШЕДЕВР

Мы получили экземпляр дивной поэмы. Издание треста Казакзолота. Автор, очевидно, управляющий трестом т. Куликов, либо начальник административно-хозяйственного сектора этого треста т. Горошунов. Поэма занимает 12 страниц убористого текста и принадлежит к числу лучших произведений лирико-бюрократической поэзии.

За невозможностью печатать весь этот шедевр приводим из него наиболее волнующие места:

„На корреспондентскую карточку заносится вся почта, поступающая от данного адресата в течение делопроизводственного года“.

Какой мощный и новый поэтический эпитет! Делопроизводственный год. Не бюджетный, не учетный, не календарный, а — делопроизводственный. Тут бюрократизм поднят на большую принципиальную высоту.

Дальше:

„В установленном расписанием время курьер внутренней связи начинает обход по маршруту, посещая все пункты независимо от того, имеется ли корреспонденция для каждого из них“.

Вот именно — независимо!

Дальше:

„Корреспонденцию, отправляемую из почтового пункта, курьер вынимает из папки, находящейся с левой стороны стола, и перекладывает ее в соответствующие гнезда в своей папке“.

Насколько приятно узнать, что папка должна лежать слева на столе, настолько же огорчает сухое упоминание о гнездах папки курьера. Неужели нельзя было сказать, какие гнезда? Правые? Левые? Их размер? Как ими пользоваться? Класть в них бумаги правой рукой или левой? Всеми пальцами или только указательным? Ведь счел же автор поэмы нужным отметить, что

„...дела хранятся в отделах или группах в специальных шкафах в вертикальном положении корешком наружу и в порядке их номеров“.

Вот это приятные строки. Дела должны стоять вертикально.

Заметим в заключение, что ото всей поэмы веет такой бюрократической свежестью, что не веришь, что она написана на семнадцатом году революции, после столько лет борьбы с волокитой.

Пастушеская свежесть и наивность! Браво, браво!

ПОКЛОННИК ТВЕРДЫХ ШТАТОВ

В Павловской МТС заведующий нефтескладом Мусалитин с некоторых пор перегружен работой. Работает по 16—18 часов в сутки, отпускает и принимает горячее, разгружает бочки, ведет отчетность склада и т. д. и т. д. А помощников у него нет. И — самое страшное — по штату не полагается.

Но еще один рабочий явно необходим. И вот директор МТС тов. Зубков поступает так.

Он нанимает чернорабочего за счет Мусалитина. То-есть жалование этому рабочему вычитается из оклада Мусалитина.

Как видите, положение о штатах улажено. Правда, при этом грубо нарушен кодекс труда. Но всего, как говорится, не соблюдешь.

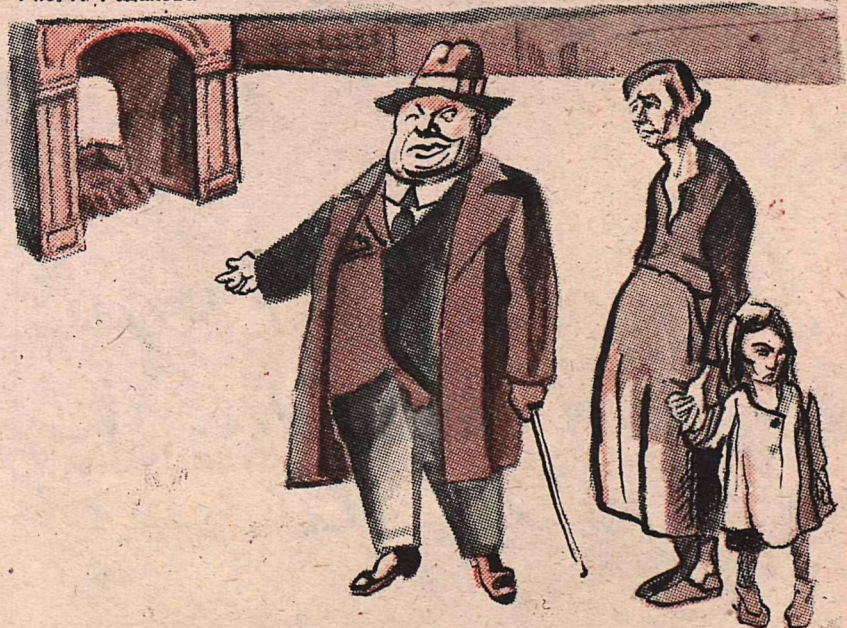
Если подобные методы руководства будут и в дальнейшем применяться тов. Зубковым, — думается, ему, как и завскладом, понадобится помощь со стороны. И тут надо будет нанять человека тоже за счет самого Зубкова. Впоследствии даже можно будет не вычитать жалования нового директора из зубковских денег, а просто выписывать их на его фамилию.

Ну, в общем можно будет Зубкова снять. И будет правильно. не издевайся

- над работниками МТС и
- над кодексом труда.

У МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

Рис. А. Радакова

— Не огорчайтесь... Кто знает, — может быть, вы носите в себе будущего неизвестного солдата!

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Редколлегия: Л. ГИНЗБУРГ, В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, М. МАНУИЛЬСКИЙ, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 48. Тел. 1-80-55; 5-53-48. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена на журн.—1 р. 20 к. в м. ● Подписка принимается только почтой ● Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

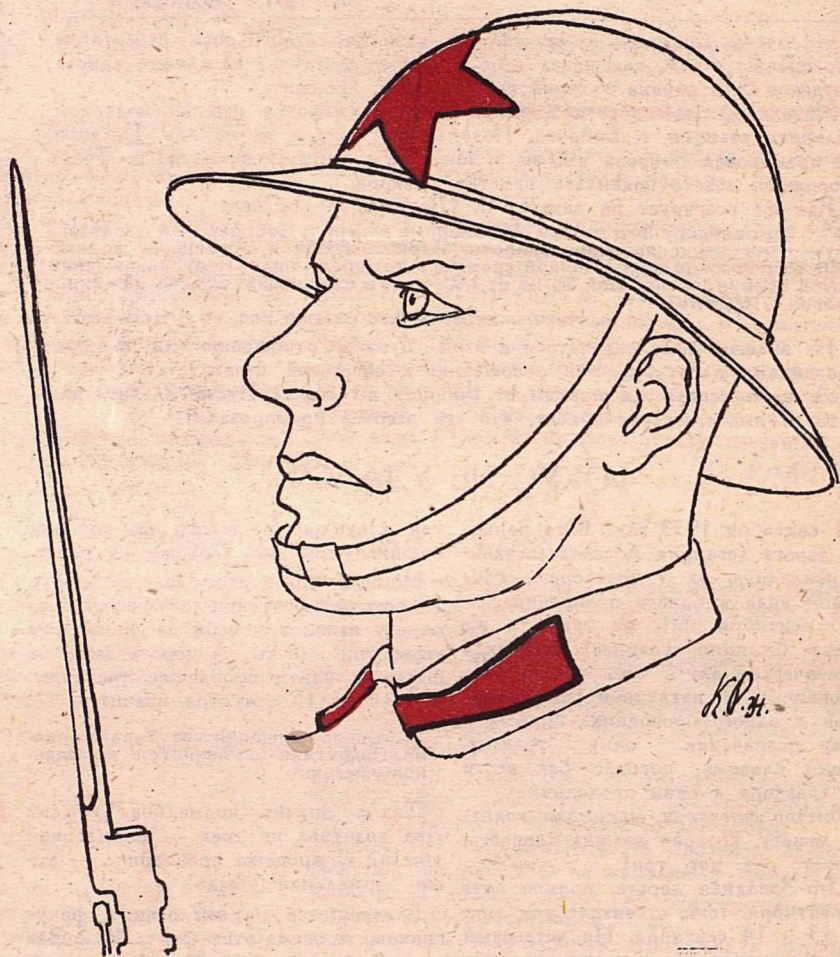
Москва. Изд. № 704. Сдача текста и рисунков 14/VII-34 г. Подпись к печати—26/VII-34 г. Статформат А9—220×333. Печатных листов 2. Количество знаков в 1 печ. листе 120.000

Уполномоченный Главлита № В — 83086. Фидиал тип. газ. „Правда“, изд-ва ЦК ВКП(б), Москва, Суздальский вал, 49. Зак. № 609. Тираж 225.000

Оформление Л. Кублановского. Журнал набран и отпечатан в филиале типографии газ. „Правда“. Фотомашинок — П. Мягков. Репродукция под руководством Г. Жимеркина и В. Крылова. Монтаж А. Федосеева. Заведующий печати, отд. Дрожников.

АРХИВ
7. АВГ, 1934
Г. Ц. К. П.

Ни одной пяди
чужой земли не
хотим. Но...

... и своей земли,
ни одного вершка
своей земли не
отдадим никому.

Сталин